

МИТИН ЖУРНАЛ

ББК 84.7 Фр

Monique WITTIG
VIRGILE, NON

© Les Éditions de Minuit, 1985

Перевод Татьяны Источниковой

В оформлении обложки использован коллаж Розза Уильямса «Бегство из умирающего мира» (1996)

Корректор: Ольга Кобрина
Руководство изданием: Д. Боченков
Макетирование: Е. Антонова

ISBN 5-98144-039-2

©Татьяна Источникова, 2005

©Митин Журнал, 2005

©Kolonna Publications, 2005

Моник Виттиг

ВЕРГИЛИЙ, НЕТ!

Перевод Татьяны Источниковой

I

Увертюра

Пейзаж вокруг совершенно однообразный. Тонкий колючий песок волнами стелется по сухой мертвой земле. Та, что называет себя моей проводницей, Манастабаль, идет впереди меня. Хорошо еще, что в этом путешествии, классическом и в то же время светском, не пришлось надевать туники – их бы в одно мгновение сорвало ветром. Зато в манере и походке Манастабаль мне видится что-то смутно знакомое. Ее блузка надувается от ветра и плещется вокруг тела и рук. Ветер вздымает ее волосы, так, что видны очертания затылка. Она держит руки в карманах джинсов и двигается, словно в немом фильме. Когда она поворачивается ко мне, я пытаюсь разобрать по движению ее губ, что она говорит, но мне это не удастся. Ремень, на котором висит ружье, натирает мне шею и лопатки. Я не могу понять, следуем ли мы какому-то определенному направлению. Окружающее пространство такое плоское, что можно увидеть, как земная поверхность закругляется на горизонте. Кажется,

будто мы идем в самой середине Земли. Должно быть, мы действительно следуем по дороге, ведущей в ад – ибо именно туда, по словам Манастабаль, она собирается меня отвести. Поскольку ветер не стихает, а, напротив, усиливается, приходится идти медленно, напрягая все мускулы, чтобы противостоять огромной массе воздуха, и радуясь, что он, по крайней мере, не вырывает из тела конечности. Я открываю рот, чтобы спросить, далеко ли еще до того места, куда мы идем, но захлебываюсь очередным порывом ветра и не могу произнести ни звука. Наконец мне удается, ускорив шаг, догнать Манастабаль, мою проводницу, и положить руку ей на плечо. Мы обе останавливаемся и в упор смотрим друг на друга. Из-за хлещущих ударов ветра наши лица искажены гримасами, даже отдаленно не похожими на улыбки. Чего она ждет? Уж не собирается ли она взвалить меня на плечи, чтобы я хоть так продолжала путь? Но путь куда? Здесь нет реки. И моря нет.

II

Разговор

(Там, куда мы идем, Виттиг, ничего нет – по крайней мере, ничего, о чем ты не знаешь. Конечно, мы сейчас в другом мире, как ты и думаешь, но солнце освещает его совсем как тот, откуда мы пришли. И тебе пришлось бы проявить чудеса изобретательности, чтобы посчитать героическими те вздохи, крики боли, тревоги, ужаса и непонятно чего еще, которые здесь раздаются. Проклятые души, с которыми ты скоро встретишься, живы, как бы сильно им ни хотелось прекратить свое существование. Они анонимны, и держу пари, что ты не найдешь ни в ком из них отличительных особенностей, пригодных для того, чтобы воссоздать их былую славу. Для них ужас и неумолимость страдания

не являются следствием низких поступков. Я покажу тебе то, что повсюду можно увидеть среди бела дня.)

При этих ее словах все круги ада распахиваются, и из разверзнувшейся бездны струится серо-зеленый свет и доносятся стоны, такие ужасные, что страшно даже предположить, чем они вызваны. Ноги у меня подкашиваются, и я говорю:

(Если все так и есть, бесполезно идти дальше.)

Песок струится, образуя ровные, непрерывно движущиеся пласты. Я борюсь с порывами ветра, пытаюсь удержаться на ногах, между тем как Манастабаль, моя проводница, говорит мне следующее:

(Если я правильно понимаю, Виттиг, страх обрушивается на тебя, как удар обухом, и наполняет твоё тело слабостью. Ты думаешь, что сможешь вернуться из этого необходимого путешествия. Знай же, что я здесь с тобой по наказу той, что ждет тебя в раю и огорчается, видя, как глубоко ты увязла в преисподней. Вот что она дала мне в залог.)

Я узнаю флакон с эфиром, который та, что была моим добрым гением, когда-то дала мне как лекарство в неких чрезвычайных обстоятельствах. Это тот самый предмет, который она прислала мне, побуждая идти вперед, чтобы достигнуть конца пути. Ее слова, которые Манастабаль, моя проводница, мне передает, шелкают, как ружейные выстрелы, направленные против ветра, гудят у меня в ушах, гальванизуют мои мускулы. Итак, если нужно, я дойду до края преисподней, чтобы там, на другой стороне, найти среди ангелов ту, что дала мне почувствовать вкус рая своими благодеяниями. И вот я говорю Манастабаль, моей проводнице:

(Веди меня, я приложу все силы, чтобы следовать за тобой. Сквозь дождь и ветер, сквозь снег и град, сквозь грозу или удушьящую жару я пойду вперед. Тебе не нужно будет нести меня на спине, как принято на этом пути. Даже наоборот – я сама смогу какое-то время нести тебя, если понадобится.)

При этих словах Манастабаль, моя проводница, раздражается хохотом, который болезненно бьет по моим нервам. Может быть, мы уже в преисподней? Но нет – я вижу вокруг только пыль, взвихренную ветром.

Ш

Орел

Я прикладываю ружье к плечу, чтобы поупражняться в стрельбе. Но поблизости нет ни одной подходящей мишени – разве что клубящаяся завеса песка, которая приближается со стороны горизонта, гоня перед собой обломки сухих сучьев, тоже образующих огромный неряшливый клубок. Но эта мишень слишком далека и к тому же перемещается слишком быстро, чтобы можно было как следует прицелиться. Поэтому я начинаю тренироваться в быстром обращении с ружьем: хватаю его одной рукой, другой освобождаю магазин от пуль, снова перезаряжаю, вскидываю к плечу, нажимаю на гашетку, стреляю наугад в облако цвета охры и тут же замираю на месте, охваченная страхом, что ветер отшвырнет мою пулю прямо мне в лицо. В это время с неба спускается пустынный орел и начинает кружить над моей головой. Кажется, ему совсем не мешают налетающие со всех сторон порывы ветра. Он взмахивает крыльями размеренно и мощно – как и подобает орлу. Его появление меня радует – мне кажется, что я уже сто лет не видела ни одной живой души. Манастабаль, моя проводница, пропала из виду. Чтобы выяснить, в каком направлении она ушла, я смотрю по сторонам, забыв про орла, и он, пользуясь этим, пикирует с высоты, собираясь напасть на меня. Поскольку он уже совсем близко, слишком поздно вскидывать ружье и прицеливаться. Мне остается лишь выстрелить в воздух, чтобы попробовать его

отпугнуть. Но он только еще сильнее разъяряется и устремляется ко мне, сложив крылья, вытянув когтистые лапы, раскрыв клюв – и говорит:

(Если ты не прекратишь эту идиотскую игру со своим ружьем, я так отделаю твою физиономию, что ни одна из твоих любовниц тебя ни в жизнь не узнает!)

Я бы хотела о многом расспросить его, но вместо этого изо всех сил шарахаю по нему ружейным прикладом. Звук от удара гулкий и металлический. Орел падает на землю с железным лязгом, его крылья судорожно подергиваются, как части неисправного механизма, в то время как автоматический голос, как будто записанный на пленку, повторяет одни и те же фразы:

(Хочешь не хочешь, Виттиг, рабство не сахар – смейся, смейся. Не пытайся прыгнуть выше головы, жалкое создание! Прахом ты рождена и во прах обратишься.)

Его голос прерывается, сменяясь хрипом, когда я начинаю пинать его ногами и кричать:

(Заткни глотку, старый болтун! Под лежащий камень вода не течет, а молчание – золото!)

Робот валяется у моих ног, поломанный, наполовину вбитый в землю своим падением и моими ударами, и уже наполовину засыпанный набегающими волнами песка, которые ни на секунду не прекращают перетекать с места на место по плоскому пространству пустыни.

IV

Прачечная-автомат

(Ты приходишь сюда, в этот круг, чтобы оскорблять меня и смеяться надо мной, перебежчица, ренегатка? Ты напрягаешь свои бицепсы, трицепсы, мускулы спины. Ты двигаешь бедрами

вверх-вниз, согнув колени, яростно, словно в драке. Ты выпускаешь дикие вопли, как будто хочешь сказать: взгляните, в этом я не одинока, потому что не стесняюсь трахать, натягивать, вставлять и засаживать. Ты собираешься нацепить на себя имя, которое не в ходу вот уже две тысячи четыреста лет. Ты рассказываешь его у меня перед физиономией, как приманку. Думаешь, я не вижу, что это западня? Из двух зол я, однако, выбираю меньшее. Потому что лучше уж меня будет трахать, натягивать, вставлять и засаживать мне враг, у которого кое-что есть, чем ты, у которой этого нет. Убирайся отсюда и не мешай мне делать что хочу! Катись трахаться туда, где твое место, и носа не высовывай с улицы Валенсии! Отправляйся искать кого-нибудь из тех отвратительных навозниц, как они называют даже друг друга, хотя мне больше нравится «вонючки». Потому что все, что ты умеешь, – это вылизывать задницы, которые стыдно показывать белому свету. Катись к своим развлечениям, на угол Двадцать четвертой улицы, и найди там таких же, как ты. Для большинства остальных вы не больше чем грязь под ногами. Не будем говорить о взаимном доверии – его для вас не существует. Вы стремитесь к нему не больше, чем к освобождению своей пизды из рабства. Тут есть над чем посмеяться, но меня душит злоба, как только подумаю, что единственная вещь, которая вас интересует, – насквозь прогнившая пизда! Думаешь, я ничего не вижу? Я все знаю об этой лесбийской язве, которая, по вашим словам, мало-помалу завоевывает всю планету. Не так давно одна вдохновенная пророчица обличала вас и со слезами на глазах, стоя на коленях и непрерывно вознося пламенные молитвы, упрашивала, чтобы вам запретили развращать детей в школах. Праведный глас этой святой особы разразился священной речью, согласно которой всем вам, презренные создания, нужно привязать камень на шею и утопить всех до единой, пока не разразился мировой скандал.)

К этому моменту их беседы я уже с трудом сдерживалась, чтобы не обзвать их мегерами, и тут вспомнила, что усвоила благородные манеры, чтобы придать хоть немного блеска нашей порабощенной пизде – потому что о том, как бы втоптать ее в грязь, всегда позаботится враг, который никогда не упустит такой возможности. К тому же я испытывала легкую нежность к их раздраженности, озлобленности, чтобы не сказать – к их ненависти. В сущности, разве это не те же самые создания, которые (даже если не поднимают вопрос о «розовой угрозе»), словно не видят вас, когда вы сталкиваетесь с ними на улице? Они – те, для кого я некогда написала: «Собаки, ползающие на брюхе, ни одна из вас не смотрит на меня. Они проходят меня насквозь. Они воспринимают меня как лишение имущества и могущества, что мне представляется низостью. Длинная обнаженная рука проходит сквозь мою грудную клетку. В этот момент я для них все равно что евнух». Их нынешняя ненависть, даже если она не является ничем другим, свидетельствует, по крайней мере, о том, что они испытывают страх. И если они обдуманно, с величайшим коварством создали карикатуру на то, что именуется «розовой угрозой» и «лесбийской язвой», – это также проявление почти священного ужаса, а именно:

(Отец, отец мой, не отвергай меня, стоящую перед тобой на коленях, обрати свой взор на меня и убедись, что я именно такая, какой ты меня создал! Не допусти, чтобы я попала в руки этих проклятых созданий и сгинула в тенетах зла. Разве тебе неизвестно, что они похищают своих жертв и, как будто этого недостаточно, сажают их на наркотики, чтобы те были полностью покорны их мучениям и ласкам? Ах, отец, отец мой, зачем ты меня оставил?)

Впрочем, когда они начали сначала, я принялась расхаживать взад-вперед по прачечной самообслуживания, призывая на помощь все свое красноречие, чтобы привлечь их внимание, и говоря:

(Несчастные! Слушайте меня!)

Но они меня не слышали. Я воздела руки к небу, призывая его в свидетели, и возопила:

(Сафо мне свидетель, я не желаю вам ни малейшего зла – напротив, я пришла сюда как ваш защитник и искоренитель несправедливостей – ибо я подозреваю, что они, как и грехи, во множестве плодятся вокруг вас!)

Они остаются глухи к моим увещаниям, за исключением одной, которая начинает во всю глотку выкрикивать имя нашей великой предшественницы, визгливо растягивая «о». Она – единственная из всех, чьих ушей достигло это нежное имя. Я проклиная себя за то, что бросила в эту свару одно из тех редких имен, за которые не нужно краснеть. Наконец я кричу им:

(Презренные создания, слушайте меня!)

Но они в суматохе и смятении собираются в круг, который заносит то вправо, то влево, из их губ вырывается шипение. Поскольку словами их, кажется, не пронять, я раздеваюсь догола между двумя рядами стиральных машин и прохожу между ними – не этакой Венерой, рожденной из пены морской, ни даже той, какой произвела меня на свет моя мать – но, по крайней мере, с двумя руками, туловищем, ногами и всем прочим. Мне особо нечем похвалиться, кроме как полным сходством с людьми моего пола, наиболее очевидной и банальной идентичностью, и я говорю:

(Вы же видите, что я слеплена из того же теста, что и вы, мы принадлежим к одной и той же армии, если не к единому организму. В моих намерениях нет ничего непонятного – они миролюбивы. Мой вид – тому свидетельство.)

Но не успеваю я и шагу ступить нагишом, как они принимаются кружиться на месте и рвать на себе волосы в лучших классических традициях – как волчки или крутящиеся дервиши, испуская бешеные вопли; некоторые блюют; одна из них начинает кричать (насилуют, насилуют!) и метаться во все сто-

роны, но далеко убежать ей не удастся, потому что она с разбега наткнется на стиральные машины и электрические сушилки, которые занимают все пространство; после того как она, гонимая ужасом, ударяется о каждую из них поочередно, ей случайно удастся выскочить на улицу все с тем же безумным воплем (насилуют, насилуют!) Другая в ужасе бросается в сушильный автомат, который еще вращается, и закатывает там настоящий кошачий концерт. Эти фурии вполне могли бы поступить со мной так же, как вакханки с Орфеем, если бы им не помешало неожиданное явление накидки, чудесным образом выхваченной из сушилки моей проводницей, Манастабаль, и брошенной на меня, чтобы скрыть от чужих взглядов мою наготу, которая, по ее мнению, и была причиной всего этого скандала. Но она действовала недостаточно быстро, чтобы я не успела разобрать их криков:

(Смотрите, да она покрыта волосами с головы до ног, у нее даже спина волосатая!)

Я в изумлении взглянула на себя: действительно, вместо прежнего едва заметного пушка все мое тело было покрыто длинными волосами, черными и блестящими. Тогда я сказала:

(Ну вот, теперь мне не будет холодно зимой!)

Но тут я снова услышала, как они вопят:

(Вы только посмотрите, у нее чешуя на руках, на груди и на животе!)

Я снова посмотрела вниз, на свое физическое тело, и увидела, что на сей раз волосы сменились твердыми блестящими чешуйками, которые показались мне очень красивыми – им не хватало только солнца, чтобы засверкать всюю. Я уже подняла голову, когда одна из женщин покраснела и указала пальцем в середину моего тела:

(Смотрите, какой он длинный! Отрежьте его, отрежьте!)

На этот раз у меня не было времени взглянуть на предмет, о котором она говорила, и убедиться в ее правоте, потому что они

все набросились на меня. У меня хватило ума не сказать им, что для того, чтобы отрезать его (и тем самым выставить на посмешище свой собственный унизительный недостаток), они ошиблись континентом, – хотя я ни на минуту не усомнилась в том, что существуют им подобные, совершающие такие вещи – в странах, где это является обычаем и ни одной девушке этого не избежать. Манастабаль, моя проводница, увлекла меня на улицу, говоря:

(Ну что, Виттиг, теперь ты убедилась в том, что я действительно веду тебя в ад? Или будешь спорить до конца? И размахивать кулаками, пытаясь меня переубедить?)

Напуганная до полусмерти, закутанная с ног до головы в накидку, скрывавшую что бы там под ней ни было, трясясь, как в лихорадке, я воскликнула:

(Да кто в это поверит в нашем-то городе? Ах, Манастабаль, моя проводница, пойдем выпьем по глоточку – я больше не могу!)

V

Лимб 1

Я разглядываю список имен на черной доске и женщин, которые собираются играть. Одни полностью сосредоточены на игре, их лица обращены к столу. Другие участвуют в ней только для того, чтобы чем-то заняться: от этих ничто не ускользает, они замечают всех входящих и выходящих. Некоторые играют в бильярд, чтобы привлечь внимание – как правило, не своих партнерш по игре, а какой-нибудь женщины в зале или в баре. Хорошо тем, у кого под рубашкой футболка: тогда рубашку можно снять, если станет слишком жарко или захочется продемонстрировать мускулы рук и плеч. Но для того, чтобы показывать мускулы, их сперва нужно накачать,

систематически упражняюсь с гириями и гантелями – как в эстетических целях, так и из необходимости самозащиты в большом городе, обычно по ночам, но не только. Я восхищаюсь, рассматривая тех, у кого мощные округлые бицепсы. Я смотрю, как они неторопливо передвигаются вокруг столов, и отблески света подолгу переливаются на их черной или золотисто-смуглой коже. Прямо сейчас я вижу этот ореол, и у меня звенит в ушах. Текила с солью и лимоном понемногу меня взбадривает, и мне хочется подойти к ним поближе, чтобы как следует рассмотреть. Вместо этого я оборачиваюсь к Манастабаль, моей проводнице, и спрашиваю ее, была ли прачечная первым кругом ада. Она говорит:

(Я не знаю, Виттиг, пронумерованы ли адские круги. Но как бы то ни было, я не заставлю тебя проходить их все по порядку.)

У меня боевое настроение, и я отвечаю:

(Тогда пройдем их в беспорядке!)

VI

Рай 1

Ну так что, прекрасный мой и добрый повелитель? Нужно ведь, чтобы ты принял человеческий облик – а то вдруг покажешься мне слишком абстрактным? Что всегда было для меня непостижимой загадкой в той религии, к которой я принадлежу, так это таинство воплощения. И когда Манастабаль, моя проводница, приближается, я не могу удержаться, чтобы не закричать:

(Скажи мне, Манастабаль, моя проводница, с каких это пор у ангелов есть пол? Мне же всегда говорили, что они его лишены! А я даже отсюда могу ясно различить их пизды, хотя в детстве меня этому не учили, да и потом хотели заставить меня поверить в то, что они невидимы.)

И пока я кричу (это чудо, Манастабаль, моя проводница!), они появляются, обнаженные, на своих мотоциклах, их кожа, черная или смугло-золотистая, блестит, одна за другой они спрыгивают на холм и исчезают в цветочных зарослях. Нужно их предупредить:

(Осторожнее, нет розы без шипов!)

И впервые с начала нашего путешествия я слышу, как Манастабаль, моя проводница, смеется. Тогда я понимаю, что мы в раю. Воздух здесь бархатистый, как пушок персика, и гребни холмов четко вырисовываются на фоне пронзительно-яркого неба. Уже одно только избавление от неутраченного адского ветра само по себе благо. Но более того, в этом благословенном месте ощущаешь прикосновение воздуха, в котором мягко скользят все разновидности бриза, то и дело сменяя друг друга, касаясь ушных раковин, словно прохладный шелк, и принося с собой ароматы, от которых все тело становится гибким, подвижным и раскованным. Тогда я спрашиваю:

(Манастабаль, моя проводница, как ты думаешь, смогу я полететь?)

И она, моя проводница, которую рай делает красивее, отвечает:

(Ты еще не настолько ангел.)

Но я чувствую себя такой легкой, что закрываю глаза из страха: а вдруг это только сон? – потому что даже в беспечные времена детства мне никогда не было так хорошо. Я бы хотела, чтобы это продолжалось вечно – как и положено в таком месте. Но Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Не обольщайся, Виттиг, это всего лишь передышка. Не забывай, что скоро придется возвращаться в ад.)

Если бы существовала в этом месте скорбь, мое сердце разорвалось бы. Я говорю:

(Я обо всем забыла, Манастабаль, моя проводница. Скажи мне, как другие смогли здесь остаться?)

Манастабаль, моя проводница, долго не отвечает. Я смотрю на ее развевающиеся волосы. Наконец она произносит:

(Если говорить доступными тебе словами – с помощью сострадания. Но, как тебе известно, это слово давно потеряло всякий смысл. Смотри же сама, что это за средство.)

Я отвечаю:

(Ах, Манастабаль, моя проводница, я вижу, что не ошиблась. Это таинство воплощения. Но, прошу тебя, продолжай!)

Манастабаль, моя проводница, обычно столь сдержанная, делает резкие жесты, мускулы ее напряжены. Мне с трудом удается привлечь ее внимание. Внезапно она говорит:

(Нужно обязательно найти слова, чтобы описать это место, иначе все, что ты видишь, развеется как дым.)

Я удивляюсь:

(Ты хочешь сказать, что это все ненастоящее?)

Она говорит:

(Посмотри вокруг, ощути прикосновение ветра, вдохни воздух, впитай в себя формы, структуру и краски. Какое слово приходит тебе на ум в первую очередь?)

Я робко отвечаю:

(Красота.)

Ее смех обрушивается на меня, словно птица, камнем падающая на землю, и она говорит:

(Этого надолго не хватит. Убрать паруса, Виттиг, ад уже близко!)

Я бросаюсь к зарослям недавно распустившейся мимозы – одно из самых нежных растений, какие только существуют, – погружаюсь лицом в ее ветки, вдыхаю аромат цветов и говорю:

(Посмотри, ничто не утратило своих свойств, лишь воздух смягчился и стал еще приятнее. Даже сами слова обрели плоть.)

Манастабаль, моя проводница, больше не смеется, и, если бы это не было невероятно в подобном месте, я готова была бы поклясться, что у нее слезы на глазах. Она говорит:

(Перестань, Виттиг. И главное, не рассуждай о таинстве воплощения и о том, как слово облекается плотью – потому что до этого еще очень далеко!)

VII

Уллифант

Уллифант – без зубов, ну и что ж, все равно хорош! Черт, аж зависть берет! Показывает на змею и начинает речь свою:

(Чтобы глотать, не обязательно жевать. И как бы там ни было, когда дело доходит до пищеварения, затраты энергии одни и те же в обоих случаях, то есть чистого убытка девяносто процентов из ста.)

Уллифант того же цвета, что и песок пустыни, перетекающий волнами с места на место, гонимый ветром. Здесь он стоит, как столп, протянувшись на запад или восток, но везде на одной и той же долготе. Неподвижный, кирпично-красный, со складками на лапах, различных в обильной плоти, он огромен. С него можно скатываться, как с горки на санках, ему до лампочки. Зарывшись в его мех, можно спать, ожидая, пока придет Манастабаль, моя проводница. В таких случаях уллифант обычно рассказывает какую-нибудь историю, а я смотрю снизу на его морду, похожую и на медвежью, и на мышиную. В последний раз он говорил о материальном существовании рая. Уллифант, основываясь на картезианском принципе, согласно которому постичь можно только то, что существует, делал вывод об абсолютной физической реальности рая.

(И не правда ли, Виттиг, абстрактное существование, основанное на чистом воображении, постигаемое лишь путем озарений – это как раз твой случай?)

Итак, уллифант рассказывает, что по другую сторону от Солнца есть планета, во всем подобная Земле. Считается, что именно там и находится рай, тогда как Земля – это ад. Поскольку эта планета расположена прямо напротив Земли и вращается вокруг Солнца в том же направлении, на том же самом расстоянии, с той же самой скоростью и по той же самой орбите, что и Земля (в довершение всего, хотя это напрямую и не связано с предметом рассказа, каждая из двух планет вращается вокруг своей оси), рай никогда не виден с Земли, и наоборот. Я едва сдерживаюсь, чтобы не спросить у него, не является ли абстрактным делать вывод о физической реальности планеты только на основании принципиальной возможности – из боязни услышать, что я ничего не понимаю у Декарта, и получить подробное толкование (о, избавь меня от этого, уллифант, в столь поздний час!) Меня охватывает блаженство, потому что, убаюканная историей уллифанта, я вижу во сне, что пробудилась на той самой планете, двойнике Земли. Небо, море, яркий солнечный свет, вспыхивающий, дрожащий, создающий и уничтожающий отдельные элементы теней и красок, заливающий со всех сторон берег, прибрежные скалы и пляжи, нескончаемый. В нескольких шагах от берега, прямо в воде, растет приморская сосна. Я долго стою неподвижно, глядя на нее, и вот в какой-то момент она наклоняется и разом окунает крону и растущие по бокам сучья в море. Верхняя часть дерева полностью скрывается под водой. Потом оно выпрямляется и снова опускается, и так несколько раз подряд. Я впервые в жизни вижу, как дерево купается! Но уллифант не хочет признавать, что это именно тот рай, о котором он рассказывал, и ворчит:

(Откуда мне знать, в самом-то деле? Здесь, Виттиг, рай – в тени мечей, а мир – на острие копья. И если мне неизвестно, кому принадлежат первые, то я знаю, как и ты, что второе принадлежит Жанне д'Арк. Где твоё ружьё?)

Я отвечаю:

(Хорошо, уллифант, я молчу!)

Как всякий раз, когда мне приходится бодрствовать в этот час в пустыне, я разбираю ружье, чтобы его почистить. Я смазываю ствол, затвор, магазин, все внутренние и наружные детали маслом из фляги, висящей у меня на поясе, и полирую их. Встает солнце. Согретый его лучами, уллифант снова засыпает.

VIII

Поводки

Держа в руках поводки, охотники тихо приближаются, поминутно шикая: «Тс-с, тс-с!» Когда появляется очередная партия осужденных душ, кто-то из охотников сразу же приближается со своим поводком и, разглядывая их, любезно спрашивает:

(Вы тут совсем одни?)

Пораженные таким вопросом, души теряют время, гадая, как это они могут быть совсем одни, если их так много. Но он, оскалив зубы в усмешке и поудобнее перехватив поводок, набрасывает его на ближайшую из них. Остальные не выказывают ни малейшего намерения убежать. Так что, когда поводок охватывает шею одной из душ и крепко затягивается, никто на это не реагирует, за исключением лишь несчастной жертвы, которая визжит, как резаная свинья. Слишком поздно сопротивляться – охотник вынимает револьвер, прикрывая отступление, одновременно другой рукой сжимает поводок. Жертва не сдаётся и борется изо всех своих немалых сил. Однако после нескольких бесплодных попыток, задыхаясь, с вывалившимся языком и вылезшими из орбит глазами, прекращает борьбу. Остальные в это время испускают панические крики и, вместо того чтобы всем вместе броситься на врага, пытаются убежать. Но это приводит к худшему: они попадают прямо

в руки новых охотников, которые уже держат наготове свои поводки. И, оказавшись на месте преступления, мы уже ничего не можем сделать – ни я, ни Манастабаль, моя проводница – потому что не успели вступить в схватку. Мы лишь вскочили из-за столика на террасе кафе и подбежали к одной из колоннад, окружавших площадь – но в мгновение ока площадь была очищена, и теперь видно, как охотники расхаживают туда-сюда со своими поводками, словно на прогулке. Вот проследовал один из них, пинками подгоняя свою несчастную жертву, чтобы заставить ее идти вперед. Если бы они шли вровень, он был бы на голову ниже. Другой идет в противоположном направлении, таща свою добычу за собой, насвистывая, иногда подергивая поводок рукой, которую даже не вынимает из кармана, что заставляет несчастную жертву спотыкаться, и притягивает ее к себе только затем, чтобы ударить. Прогуливающих становится все больше и больше. Они сталкиваются друг с другом, здороваются. Они останавливаются, рассматривая чужую добычу, обсуждают ее достоинства, ощупывают. Они поздравляют друг друга, хлопают по спине. Обсуждают положительные и отрицательные последствия дрессировки. Они фыркают от смеха или хохочут во все горло, рассказывая истории, в которых простота и глупость этих недотеп, их жертв, не видящих дальше своего носа, неизменно их веселит. А те – не собираются ли они в этот момент даже оспаривать друг у друга пальму первенства за глупость? Я слышу, как одна из них кричит:

(А мне, МНЕ нравится быть на поводке!)

Другая громко хвастается тем, что ее выпороли, а третья так радуется, что в конце концов получает пинок ногой. Тут на площади появляется еще один охотник, у которого в каждой руке по поводку, сжимающему шею жертвы, и он настолько горд собой, что проходит, не достаивая никого взглядом. А когда я вижу, как приближается еще один, ведя на поводках шестерых, то разрабатываю план действий и прошу Манастабаль, мою

проводницу, позволить мне его осуществить, убеждая ее, что дело принимает скверный оборот. Прежде чем она успевает меня удержать, я направляюсь к первому встречному, который идет бодрым шагом, ведя на поводке одну из душ, и с ходу спрашиваю: неужели он так беден – ведь у других столько душ, сколько они пожелают, лишь бы на всех хватило поводков? Мое провокационное заявление распространяется со скоростью света и постепенно достигает всех гуляющих, сея раздор между ними. Вот они уже выпускают поводки, чтобы перейти к рукопашной, и те сворачиваются в пыли. Раздаются звуки выстрелов. Нельзя терять времени – нужно освободить пленниц. Впрочем, они и сами спешат выпутаться. И когда на помощь мне приходит Манастабаль, моя проводница, мы в конце концов распутываем тех, что были связаны друг с другом, а потом разбегаемся в разные стороны, чтобы ненароком не угодить под пули, успев лишь договориться о месте встречи.

IX

Аукцион

Осужденные души собираются на широком ринге и беззаботно расхаживают туда-сюда. Кажется, их совершенно не заботит, что происходит в зале. Но вот они прекращают движение и прислоняются к веревкам, опоясывающим ринг. Такое ощущение, как будто их накачали наркотиками. На некоторых надеты шорты, на других – джинсы. Кое-кто в вечерних платьях. Их число все растет – время от времени появляется новая, и ее проводят под конвоем до самого центра зала. Все зрители одеты в просторные хламиды, ниспадающие с плеч до самых пят; их головы и лица скрыты под накидками. Манастабаль, моя проводница, и я одеты точно так же, чтобы не привлекать к себе

внимания. Ничто не нарушает тишины, потому что осужденные души проданы с аукциона без открытого торга. Количество, цифры, общую денежную стоимость присутствующие тайком сообщают друг другу. Когда цена перестает расти, души передаются новому владельцу. Но даже с риском сломать шею невозможно выяснить, кому именно – настолько все незаметно, тихо, молчаливо, тайно, мимолетно; к тому же освещение здесь слабое. Я держу ружье под накидкой, прижимая его к бедру. Однако я не уверена, что смогу им воспользоваться, потому что противник наверняка и сам хорошо вооружен. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Не стоит здесь стрелять, Виттиг, если только ты не хочешь сама оказаться мишенью и тоже попасть на ринг!)

Тогда я спрашиваю Манастабаль, мою проводницу, что она собирается делать. Та отвечает:

(Заплатить.)

Оказывается, пока я предавалась возмущению и отчаянию, Манастабаль, моя проводница, тайком орудовала подобно остальным. И ее доллары произвели волшебное действие – она и оказалась тем тайным покупателем, которого я пыталась вычислить, едва не свернув шею. Поскольку никто не должен знать имени выигравшего, Манастабаль, моя проводница, высоко поднимает руку с выигранным лотом всех осужденных душ, отныне свободных. Но теперь нужно еще организованно выйти наружу, чтобы нас не остановили у входа, – а душ и в самом деле огромное количество. Правда, манеры Манастабаль, моей проводницы, вызывают почтение. Но готова поспорить, что выстрелы моего ружья, заметного под распахивающейся накидкой, помогли бы не меньше. Итак, мы гуськом направляемся в пустыню, где песок стелется волнами, подгоняемый ветром, и где Манастабаль, моя проводница, объявляет перерыв, чтобы позволить тем, кто бредет во сне, устроить сиесту перед тем, как идти дальше, к Лимбу.

Х

Центральный вокзал

Когда поезд въезжает на вокзал, бедные создания устремляются вниз по ступеням, некоторые опережают всех остальных. Их так много, и они так сильно толкаются, что те, кто бросился вперед слишком резко, падают под колеса поезда и медленно расплющиваются, испуская ужасные вопли, между тем как локомотив приближается к концу пути. Однако ни одна душа, кажется, не беспокоится о своей участи. Все охвачены лихорадочным возбуждением и дрожат с головы до пят. Все смотрят прямо перед собой. Такой застывший взгляд я раньше видела у шлюх, толпящихся на панели. Помимо раздавленных, есть и растоптанные, потому что движение основной толпы, охваченной спешкой, кажется недостаточно быстрым тем, кто оказался в конце, и они напирают с такой силой, что, похоже, готовы растоптать всех, кто попадетс я им на пути: близких родственников или даже детей, к чьим крикам остаются глухи. Предприятие по очистке железнодорожных путей присылает к каждому поезду специальную команду, которая сметает головы, оторванные конечности и туловища, а все, что осталось, собирает в машину, которая стоит неподалеку. Никто не может мне сказать, как потом используются эти останки. Работа сопровождается самыми разными звуками, восклицаниями, стонами, криками боли и гнева, бранью. Но самое ужасное – это бормотание, не прекращающееся с того момента, как поезд прибыл на вокзал. Его ужасное звучание свидетельствует о том, что оно срывается со всех губ одновременно, потому что, если слова произносятся разные, то смысл и тон их одинаков. Я поворачиваюсь к Манастабаль, моей проводнице, но ее нет рядом, и мой взгляд натывается лишь на груды окровавленных тел,

расплющенных голов, отрезанных рук и ног. У меня хватает времени лишь на то, чтобы поднести к носу флакончик с эфиром, который та, что была моим добрым гением, дала мне как средство на случай чрезвычайных обстоятельств. Я благодарю ее от всего сердца и, когда прихожу в себя, вижу, как приближается Манастабаль, моя проводница, в окружении нескольких осужденных душ. Мне нужно ее расспросить, и я делаю несколько неуверенных шагов в ее сторону, оставляя груды трупов позади. Манастабаль, моя проводница, смотрит на меня и говорит:

(Вот эту лесбиянку-бумагомараку мне поручили сопровождать к глубинам преисподней. Будь то в дождь или в бурю – нельзя останавливаться. В снег или в град, в грозу или в смертельную жару – все равно придется идти.)

Я отступаю в сторону, чтобы она увидела то, что у меня за спиной. Она останавливается и смотрит на окровавленные части тел, разбросанные под матово-стеклянной крышей вокзала. Лицо Манастабаль, моей проводницы, совершенно бесстрастно. Вот что она говорит:

(Виттиг, не существует другой дороги в рай, в который ты так хочешь попасть. Тебе придется дойти до глубин преисподней, прежде чем ты попадешь на другой берег, к Лимбу, и только оттуда ты сможешь устремиться к желанной цели. Многим до тебя это удалось. Среди тех, кто не решился продолжать путь, некоторые повернули назад, пока еще было можно, другие упали в бездну, которую ты видишь перед собой. Но многие достигли цели.)

Во время ее речи я изо всех сил борюсь с тошнотой. Потом говорю:

(Я не могу упрекать тех своих предшественников, которые повернули назад. И я столь сочувствую тем, кто упал в бездну, что тебе придется меня удерживать, Манастабаль, моя проводница. Что до тех, кто преуспел – назови мне их имена,

чтобы я вновь преисполнилась мужества. Не то чтобы я не верю, что они превзошли меня в силе и постоянстве, поскольку они добровольно и сознательно избрали дорогу в Град. Но хотелось бы мне быть уверенной, что создания из плоти и крови, такие же, как я, смогли справиться с тоской, тревогой и видом страданий. Если ты, Манастабаль, моя проводница, уже вела их этой дорогой, не скрывай от меня ничего из того, что с вами приключилось.)

Я снова допускаю всю ту же оплошность, не соглашаясь с ней, и она восклицает:

(Что ты пытаешься узнать?)

Я не говорю ей, что в этом путешествии предпочла бы иметь проводником доброго Вергилия, но не могу удержаться, чтобы не спросить:

(Как ты можешь оставаться такой спокойной и безмятежной посреди стольких несчастий, Манастабаль, моя проводница?)

Она отвечает:

(Понимание, пришедшее в результате долгого опыта, возносит нас над отдельными несчастными случаями и помогает продолжать путь. Разве несчастье, которое хочешь прекратить, не вооружает тебя? Разве оно не заставляет тебя сжать кулаки, стиснуть зубы, напрячь мускулы и глаза, не упускающие ничего из виду... Стонать, падать в обморок, заламывать руки или даже браниться – конечно, всем этим можно выражать сочувствие. Но для меня этого не довольно. Вот почему я здесь, с тобой. Ты ждешь, что я приму участие в этом спектакле? Ах, смотри скорее!)

Манастабаль, моя проводница, показывает мне на осужденные души, которые держатся немного поодаль, с таким видом, словно забыли, что они здесь делают, механически топчась на месте, качая головами и бормоча, и в какой-то момент бормотание становится таким громким, что заглушает наш разговор. Приходится вмешаться, и мы идем к осужденным душам. Именно

на меня они набрасываются с упреками, и мне приходится выслушивать оскорбления вроде:

(По какому праву, чужачка, заставляешь меня терять здесь время – ты, которая даже палец о палец не ударила? Ты разве не видишь, что я теряю здесь время с самого прибытия поезда? Прямо с того момента я опаздываю!)

Одна из них, вынимая из кармана большие круглые наручные часы, смотрит на циферблат и говорит:

(К тому же и поезд опоздал на десять минут!)

И, произнеся это, она начинает плакать горючими слезами. Но когда я пытаюсь ее утешить, она плюет мне в лицо и кричит:

(Ты из Кастро, по твоей роже видно! Ах, веселая жизнь! А у меня нет даже минутки, чтобы всплакнуть о ней!)

Потом снова принимается бормотать сквозь зубы, глядя перед собой застывшими глазами. И после того, как я выслушиваю всех присутствующих, одну за другой, мне кажется, что мне несколько раз подряд рассказали одну и ту же историю. В отличие от других кругов ада, где насилие по отношению ко мне не прекращается, присутствующие здесь забывают о том, что оскорбили меня, едва ли не в тот же самый момент. Их тягостное бормотание тут же возобновляется. Они трясут головами и почесывают свои десны с отвратительным шумом. А когда я повышаю голос, чтобы привлечь их внимание, они снова начинают стенать, говоря:

(Теперь и ты ко мне пристаешь! Ты разве не видишь, что я и так безнадежно занята? Отправляйся бить баклуши на седьмое небо, если хочешь! Я лишена даже этой привилегии!)

От того, что мне удается уловить из ее бормотания, у меня в прямом смысле волосы становятся дыбом – на голове и на всем теле. Я скорее была бы рада увидеть искусно сделанные автоматы, и услышать, как они беспрестанно бормочут о каких-то обязательствах, из которых одни еще более рабские, чем другие.

Служить, служить, служить – вот все, что их занимает, и их сомнамбулическое состояние лишь ненадолго прерывается моими воплями. Мое сердце обливается кровью. Я спрашиваю Манастабаль, мою проводницу – неужели рабские обязательства бесконечны? В конце концов, несмотря на ее предостерегающие знаки, я перестаю сдерживаться и взрываюсь:

(Когда-нибудь вы поймете, жалкие создания – чтобы с большим успехом нести свое ярмо, вы, не колеблясь, давили, затаптывали насмерть и разрывали на части себе подобных и превратили этот вокзал в скотобойню! Воистину справедливо, что быть рабом – означает быть преступником! И, как будто вам недостаточно одного старания как можно лучше выполнять свой рабский долг, вы еще и постоянно твердите о нем во всех подробностях – что вы уже сделали и что еще должны сделать. Неужели вы настолько замкнулись в своей рабской плоти, что ни одно слово из внешнего мира не достигает вас? Так идите же и сгиньте всей толпой под колесами локомотива!)

С этими словами я быстро удаляюсь, ни разу не обернувшись, чтобы посмотреть, следует ли за мной Манастабаль, моя проводница, и с тоской думая о том, что никакого взрыва возмущения, даже ни единого слова протеста не прозвучало в ответ на мою суровую проповедь.

XI

Ахерон 1

Мы с Манастабаль, моей проводницей, сидим на берегу реки Ахерон. Вода, в которой мы полощем босые ступни, теплая. Оттуда поднимаются серные испарения, которые сгущаются в красно-желтые облака над поверхностью воды и над полями; порой в них сверкают молнии. Я дышу во всю силу

легких, чтобы заглушить гнев и страдание. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(После того побоища, которое устроили души на центральном вокзале, ты убедилась в том, что абсолютной этики не существует. Я наставляю тебя по пути в ад, делаясь наиболее глубокими своими познаниями, чтобы углубить и твои; но это не дает тебе никакого права вершить правосудие над теми душами, которые мы встречаем. Ты можешь, если хочешь, сколько угодно наслаждаться тем, что ты опустошена, как оболочка жареного каштана, и говорить, что это хорошо. Я сама приветствую каждый день, который видит меня свободной. И раз уж обладаешь такой привилегией, негоже пользоваться ей для того, чтобы еще больше унижать несчастные создания, которые ее лишены. Потому что эта привилегия столь непомерна, что нужно постараться простить ее себе, и обращаться к проклятым душам можно лишь с одной целью – заставить их вырваться из преисподней любой ценой. И дело это – само по себе столь же благое, как и любой труд, поскольку всякая свобода временна и сохраняется лишь такой ценой.)

При этих словах меня охватывает гнев, потому что я вспоминаю давку на вокзале и куски мертвых тел под колесами поезда. Я говорю:

(Можешь вешать в свое удовольствие, Манастабаль, моя проводница. Как всегда, ты весьма спокойна, и день ото дня я удивляюсь этому все больше и больше. Я же так устроена, что раболепие не вызывает во мне ни малейшего сочувствия. Я бы изблевала его из себя, если бы смогла поставить себя на место любой из тех, кому оно свойственно. Но поскольку этого я не могу, то мне приходится сдерживать злобу, которая толкает меня на жестокое обращение с душами, для которых это всего лишь пустой звук. Ну да, часто я так сильно злюсь на них, что – клянусь тебе, Манастабаль, моя проводница – у меня просто дым

валит из ноздрей! Все твои аргументы тщетны – я по-прежнему считаю, что для них было бы лучше быть мертвыми. Да, смерть – освобождение, когда деградация доходит до такой степени!

Кажется, Манастабаль, моей проводнице, нравится прибегать к логике в последнюю очередь, потому что она говорит:

(А разве они не мертвые?)

Я отвечаю:

(И все-таки нужно ли, чтобы они умирали именно так? Скотобойня – и то менее ужасное зрелище! Ты слышала крики? Ты видела куски тел, эти отвратительные останки, наполовину сожранные собаками?)

Когда я это говорю, зубы у меня начинают стучать, а грудь и голова едва не разрываются от боли. Однако я не спешу пуститься вплавь, чтобы забыть, кто я, с кем, где и для чего, ибо Ахерон – река забвения, и Манастабаль, моя проводница, считает, что мне полезно окунуться в его воды. Но я не могу сказать ей спасибо за эту благотворную процедуру, потому что, как только я сливаюсь с водяными струями, она тут же становится для меня незнакомкой, идущей вдоль берега вровень со мной. И когда она начинает делать мне знаки, я лишь кричу в ответ что-то дружелюбное – на всякий случай. Но когда я в самом счастливом расположении духа переворачиваюсь на спину, меня внезапно выхватывают из воды – я тщетно отбиваюсь руками и ногами – и выбрасывают на берег, где я падаю, обессиленная. И слышу яростные вопли незнакомки:

(Ты опять едва все не испортила! Еще немного – и тебе пришел бы конец! Разве я тебе не говорила, чтобы ты окунулась и сразу же вышла на берег? У меня уже достаточно хлопот с тобой, Виттиг! Избавь же меня от них! И что меня больше всего раздражает – все мои предупреждения для тебя пустой звук! Быстро же ты все забываешь!)

Несмотря на мои протесты, незнакомка досуха вытирает меня и заставляет облачиться в какую-то потрепанную одежду.

Однако мало-помалу память начинает возвращаться ко мне – как в результате ее гневных речей, так и оттого, что я нащупываю зажигалку и пачку сигарет в карманах джинсов (оказывается, моих). Но воспоминание об эпизоде на центральном вокзале возвращается словно приглушенным и от этого хоть как-то выносимым, хотя непонимание остается, а для меня это самое мучительное.

ХП

Облавы графа Зарова

Их заставляют облачиться в униформу, которая немедленно выделяет их в толпе, словно мишени. В личных порядковых номерах нет необходимости. Ибо как только увидишь их туфли на каблуках, голые ноги, а также платья и сумочки, сразу становится ясно, что перед тобой – дичь. И это правда – на них устраиваются облавы в духе графа Зарова¹, которые продолжаются всю ночь. Я участвую в одной из них вместе с Манастабаль, моей проводницей, в парке Золотых Ворот, где мы несем дозор: она – с лазерным мечом, словно ангел у входа в рай, я – с автоматом. Как только где-то раздается характерное клацанье их каблучков, мы тут же бросаемся туда. Иногда видно, как кто-то из них проходит по улице на другой стороне парка, останавливается, чтобы оглядеться, держа сумочку во рту, потом идет дальше, прихрамывая – торопливого стаккато, что звучало в начале ночи, уже давно не слышно. Порой слышится приглушенный крик, и не удается определить, откуда он доносится. Некоторых из них мы находим привязанными к ограде парка и спящими. Одна из них, которую мы пытаемся отвести в убежище, кричит:

¹ Граф Заров – герой фильма «Самая опасная игра» (1932) по рассказу Ричарда Коннелла – безумный русский аристократ, охотящийся на пассажиров потерпевшего кораблекрушение судна.

(Отъебитесь от меня, суки! Все, чего я хочу, – чтобы наутро мне заплатили!)

И бесполезно ей объяснять, что это не порнофильм, а прямой репортаж – она отвечает:

(Вы, чертовы лесбиянки, соврете – недорого возьмете, это всем известно!)

Я горько жалею Манастабаль, моей проводнице, говоря:

(Это самое настоящее линчевание – охота на человека! Но попробуй только им об этом *сказать!*)

Итак, некоторые говорят, что это вранье, и предлагают свои услуги на окрестных улицах и бульварах, поглядывая на себя в зеркала освещенных витрин. Конечно, нельзя сказать, что ростом они все поголовно с атлантов, да и в наше время повального увлечения джоггингом они явно не являются его поклонниками – разве что носят кроссовки в карманах. Стоит им лишь ненадолго удалиться от начальной точки маршрута, как они сразу исчезают за углом на первом перекрестке.

Когда раздаются звуки сирен, их охватывает тревога, они бледнеют, ноги у них подкашиваются. Неуклюжие Атланты бросятся врассыпную, словно Меркурии в крылатых сандалиях. Что они вообразили? Есть ли законы, позволяющие защитить дичь и запрещающие охотиться на нее иначе как пешком? Охотники сидят в машинах, и им неведомы ни запреты, ни угрызения совести. Вначале они развлекаются, высматривая жертв в бинокли – и одновременно сплачиваются, объединяясь в группы. Затем, с помощью оптических прицелов своих ружей, они выбирают расстояние, с которого будут стрелять. Но при этом вовсе не торопятся – ведь спортивный интерес, в первую очередь, заключается в самом преследовании и в приготовлениях к нему. И только глубокой ночью, когда дичь рассеивается, охотники мало-помалу выбирают себе позиции и приближаются к намеченным жертвам. И когда окрестные жители засыпают, а уличное движение останавливается, это уже совсем другой Сан-Франциско. Разом становится

заметен горный рельеф, очертания холмов, их складки и шероховатости видны со всей отчетливостью, массивы садовых деревьев выступают из тьмы. Все, что город скрывает под своей дневной суетой, ясно видится в часы ночной охоты.

Обежав все дорожки парка Золотых Ворот, Манастабаль, моя проводница, и я беспорядочно мечемся во все стороны, но никого не находим. Если какая-то из жертв, потерявшая свои туфли на каблуках, с израненными ступнями, в разорванной одежде, бросается откуда-то нам наперерез, взывая о помощи, мы теряем уйму времени, отводя ее в безопасное место, потому что она уже не в силах отправиться туда самостоятельно. Мы возмемся с одной-единственной, тогда как сотни все еще остаются в этой адской игре. Некоторые, уже не испытывающие никаких сомнений касательно своей участи, бросаются под колеса машин, чтобы покончить со всем побыстрее, не изматывая себя понапрасну. И заставить их подняться уже невозможно. Охотники, жаждущие продолжения, при необходимости не колеблются – выйдя из машин, они ударами кнута или выстрелом по ногам вынуждают жертву снова бежать. От стенаний жертв у меня подкашиваются ноги, и Манастабаль, моей проводнице, приходится оттаскивать меня в сторону, чтобы я не оказалась на линии огня. Она усаживает меня на поросший травой холмик и позволяет мне нареветься вдоволь. Я спрашиваю:

(Манастабаль, моя проводница, что с ними будет? Их всех убьют?)

Она говорит:

(Может статься, они не умрут. Поэтому хорошо бы тебе собраться с силами, потому что им нужна будет помощь.)

Ее слова действуют на меня, как разряд тока: я мгновенно вскакиваю на ноги и говорю:

(Тогда не будем терять времени!)

И только тогда я вижу растущую толпу, к которой присоединяются все новые выходящие из домов жильцы, чтобы оказать

помощь раненым. В мгновение ока их развозят на мотоциклах, в легковых автомобилях, в грузовиках. У сопровождающих при себе ружья и даже автоматы. Уже раздаются новые выстрелы, когда мы еще раз обогнали аллею парка Золотых Ворот, света карманными фонариками во всех направлениях.

XIII

Лимб 2

Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Недостаточно покинуть преисподнюю, Виттиг, чтобы сразу оказаться в раю. Ибо существует чистилище, иными словами, срединное место, которое принадлежит и аду, и раю одновременно. И сколь прекрасно, что такое место существует, как бы тесно оно ни было, столь же и велика конкуренция, чтобы попасть сюда – и голод царит в нем. Ведь те, кто живет здесь – не ангелы, а освобожденные, за свою свободу платящие голодом. Суди сама, отражается ли это на их настроении и случается ли им истреблять друг друга от ожесточения и беспомощности. И однако, мужество их велико, и велика стойкость, когда у них нет другого выхода, чем жить как преступницы.)

Я перебиваю ее:

(Манастабаль, моя проводница, не говори больше ничего. Это я должна петь им хвалу и говорить, что красота их тел и жестов не уступает их силе – у них есть все, чтобы стать ангелами в раю, если они туда попадут. Ах, Манастабаль, моя проводница, ты знаешь, что ангелы разные, а они – одни из самых примечательных. Есть те, кто бреет головы, и на их челе явственно читается угроза. Другие одеваются в черную кожу, а в рукавах прячут ножи. Есть те, кто носит одежду в заклепках и наточенные бритвы за голенищем. Есть и мафиози в темных костюмах, с револьверами в портупеях.)

Но тут я замолкаю, потому что Манастабаль, моя проводница, не разделяет моего энтузиазма и даже не возражает. Наконец она говорит:

(Ты говоришь о жестах, об одежде, о наружности. Ты воспеваешь сомнительную красоту преступниц и гордилась бы, если бы они приняли тебя в свою компанию – пусть. Но не стоит забывать, ради их внешности, их раскованности и славы, о том, что сделало их необходимыми: жестокость окружающего мира, который толкает их на преступления. Они тщательно вооружаются, они вооружают своих возлюбленных, своих друзей. Им хотелось бы встретить в темном уголке парка продавца из соседнего табачного киоска, идущего домой с дневной выручкой, чтобы ограбить его. Ах, Виттиг, все это похоже на маленькую войну. Что можно здесь выиграть, когда каждый раз нужно заново завоевывать весь мир?)

Я отвечаю:

(Ежедневный кусок хлеба, Манастабаль, моя проводница).

И я спрашиваю себя, есть ли у Манастабаль, моей проводницы, какой-либо грандиозный план завоевания мира. Но поскольку она говорит мне о преисподней и о проводниках, которые посланы туда, чтобы спасти осужденных, я не могу удержаться, чтобы не выразить нетерпения оттого, что это делается так медленно, и не заметить, что поезд доберется до цели лет через сто.

XIV

Рай 2

Я смотрю вокруг – на краски, яркие, словно после дождя, и на сверкающий воздух. Я изнемогаю под бременем разнообразных цветочных ароматов. Волна счастья подкатывает к моей груди. Руки

и ноги движутся легко и свободно. Когорта ангелов с золотистой и черной кожей перепрыгивает через ручьи, поросшие аронником, приземляясь на обе ноги одновременно. Манастабаль, моя проводница, лежит под кустом ромашек, не говоря ни слова. Когда легкий ветерок перестает шелестеть у меня в ушах, я как будто слышу вдалеке хор поющих райских голосов. Я и в самом деле их слышу, и порой они отделяются друг от друга, позволяя слушать каждый в отдельности. Это похоже на оперу – так я говорю Манастабаль, моей проводнице. Она отвечает:

(Ты не ошибаешься, Виттиг – это опера о шлюхах, которые, в конце концов, оказались коронованными, прославленными и возведенными в ангельский ранг – как в сказках со счастливым концом или в поэме, которую Данте назвал комедией, потому что там все закончилось хорошо.)

Если бы плохое настроение не было невозможным в этих местах, я бы решила, что Манастабаль, моя проводница, пребывает в нем. Однако она выглядит умиротворенной, ее мускулы расслаблены, лицо сияет. Я спрашиваю:

(Каков язык ангелов?)

И Манастабаль, моя проводница, говорит, что на тот же самый вопрос Жанна д'Арк отвечала своим судьям: «Гораздо красивее, чем ваш», и в другой раз, когда с ней об этом заговорили: «Их язык столь же прекрасен, как исходивший от них аромат». Я перебиваю ее:

(Ну да, аромат, который нельзя описать словами – все это знают! Но я уже давно подозреваю, Манастабаль, моя проводница, что ангелы Жанны д'Арк – того же сорта, что и наши, и что она сама была одним из них.)

Но, когда я спрашиваю, есть ли слова в опере про шлюх, она отвечает:

(В том, что ты слышишь, нет слов. Это музыка сфер и голоса ангелов. Напиши же сама эту оперу, Виттиг, – но я проверю в ней каждое слово!)

XV

Бурлабабу

Бурлабабу движется по широкой равнине в центре Земли. Перед ним вздымаются клубы песка, гонимые ветром, и скрученные клубки колючей проволоки, вырванной из ограждений. Он движется со скоростью ветра, и, глядя на него, можно подумать, что это он толкает и гонит вперед своими пятью рогами, словно землеройная машина, горы песка. Не останавливаясь, он поедает всех без разбору зверей, внезапно сбитых с ног порывами ветра или запутавшихся в лавине колючей проволоки, сломанных веток и целых деревьев, с корнями вырванных из земли. Бурлабабу – лучший уборщик падали, он превосходит и стервятника, и ворона. Я уже довольно близко с ним знакома, потому что мне часто приходится бывать в этом месте и ждать здесь Манастабаль, мою проводницу. В первый раз, когда я его увидела, – несущегося со скоростью поезда и промчавшегося буквально на волосок от меня, – я успела заметить мгновенно промелькнувшие пять его рогов, сопящее рыло, грохочущие копыта. Мне казалось, что я вижу его во сне, пока он не прорычал:

(Эй, Виттиг, какого черта ты тут торчишь?)

Я разозлилась, схватила ружье, вскинула его на плечо и выстрелила – однако это заняло достаточно времени, чтобы он успел удрать. Я ничего не могу с ним поделать. Никак не могу привыкнуть к его насмешливому голосу, которым он приветствует меня всякий раз, когда проносится мимо:

(Что, Виттиг, все караулишь?)

Я знаю – Манастабаль, моя проводница, сказала мне – что бурлабабу защищает меня от песчаной бури: отводит ее в сторону, чтобы она меня не задела. Ну, это как посмотреть. Это

всегда происходит в последний момент, и я успеваю ощутить, как песок хлещет мне в лицо и хрустит на зубах. И когда я жду Манастабаль, мою проводницу, я всегда держу ружье наготове. Я заранее узнаю о приближении бурлабабу, когда на горизонте появляются клубы песка. Я расхаживаю взад-вперед, останавливаюсь то здесь, то там, выбирая лучшую позицию для стрельбы. Но я устаю еще до того, как песчаная буря приближается – с того момента, как я ее заметила, ей требуется еще несколько часов, чтобы оказаться здесь. Однако, как только песчаная масса оказывается на расстоянии выстрела, я выпускаю в нее пули одну за другой, потом перезаряжаю ружье и стреляю снова – и так до тех пор, пока туча песка не останавливается, нависая надо мной всей своей громадой. Я вижу тормозной след позади нее и ямы в песке там, где она остановилась. И пока я разглядываю этот феномен, бурлабабу, в клубах песка, образующих цилиндрическую форму, подходит ко мне, наклоняет свои пять рогов, чтобы лучше меня видеть, и саркастически произносит:

(Ну что, Виттиг? Довольна? Остановила бурю?)

И на ломаном английском добавляет:

(Do you want a ride?¹)

И, не дожидаясь ответа, он забрасывает меня на спину, поддев своими пятью рогами, и движется следом за бурей, которая тем временем снова разыгралась.

XVI

Невольницы

С тех пор как мы с Манастабаль, моей проводницей, разгуливаем по городу, я никак не могу привыкнуть, что они всегда

¹ Хочешь прокатиться?

появляются в сопровождении одной или нескольких невольниц. Доходит до того, что, когда случается видеть кого-то из них без свиты, невольно думаешь:

(Then she must be a dyke.¹)

На улицах, в магазинах, на площадях, в публичных садах, в автомобилях, на тротуарах, в автобусах и даже в кафе – везде, где бы они ни появлялись, они приобретают невольниц. Во времена войны и мора невольниц постоянно прибавляется, словно ничего не происходит. Они заслуживали бы хорошей трепки или порки. Но Манастабаль, моя проводница, упрекает меня за эти слова, утверждая, что природа невольниц – того же самого порядка, что природа рабства. Она восклицает:

(Можно подумать, что их вынуждают господствовать – не смотря на то, что, связывая других, они сами оказываются связанными! Да ты посмотри на них, Виттиг!)

В самом деле, лица у них тусклые, походка вялая. На губах бесстрастная, но постоянная улыбка – такова их печальная участь. Руки вытянуты вдоль тела, плечи опущены, они еле передвигают ноги и часто останавливаются или замедляют ход, влекомые вспять беспорядочными движениями своих невольниц. Порой их тянут в противоположные стороны, разрывая на части. Иногда они просто останавливаются и стоят, задыхаясь, не в силах сдвинуться с места. Но в эти моменты они говорят:

(Я в восторге от них!)

Или:

(Не знаю, что бы я без них делала!)

И это правда – когда они случайно оказываются лишенными своих невольниц, они в тот же момент валятся на землю, лишенные всякой ориентации, не знающие, куда идти. Жалкое

¹ Наверняка лесбиянка.

зрелище! Напрасно пытаешься их поднять и приободрить – они ничего не соображают и снова падают. Они говорят:

(Я уже не могу без них обойтись!)

И надо их видеть, когда их невольницы стараются отцепиться от них, семяят рядом и путаются под ногами, – надо видеть, как они хнычут, когда теряют своих подопечных из виду, и как сильно страдают от своего пагубного пристрастия. Я говорю Манастабаль, моей проводнице:

(Это как гордиев узел, с той только разницей, что здесь надо резать по живому. Ах, Манастабаль, моя проводница! Освободят ли их когда-нибудь от их проклятых невольниц? Я бы так хотела посмотреть, как они будут выглядеть без этого бремени!)

Она отвечает:

(Во всяком случае, нельзя освободить их насильно.)

И напоминает мне, что мы не в аду, чтобы обречать на мучения осужденные души – мы лишь указываем им путь, как отсюда выбраться, если они сами этого хотят.

XVII

Парад 1

Толпа все растет, по мере того как мы с Манастабаль, моей проводницей, приближаемся к площади Мэрии, чтобы увидеть парад. Солнце сияет, городские холмы зеленеют на фоне яркосинего неба. По ним цепочкой тянутся деревянные дома, окруженные участками геометрических форм, повторяющих их собственные. Дома по большей части выкрашены в голубой, белый или темно-красный цвета. Улицы, примыкающие к площади, пестрят флажками, гирляндами и разноцветными бумажными фонариками. Шум, толчея и суматоха настолько велики, что мне приходится кричать, когда я спрашиваю Манастабаль, мою

проводницу, что это за парад, на который она меня ведет. Она коротко отвечает:

(Это что-то вроде ревью, которые устраивают в Фоли-Бержер, но под открытым небом.)

Приходится, хочешь не хочешь, терпеть тесноту и давку, пробираясь в первый ряд. Здесь шум еще усиливается. Толпа напирает, все вытягивают шеи и вертят головами, пытаясь разглядеть начало процессии. Манастабаль, моя проводница, все время призывает меня умерить нетерпение, поскольку зрелище того не заслуживает. Несколько раз она резко произносит:

(Виттиг, не забывай, что мы в аду!)

И в самом деле, когда под громкие приветственные крики показывается шествие, выясняется, что ликование, которое на первый взгляд кажется всеобщим, таковым не является, поскольку содержит как минимум два исключения: Манастабаль, мою проводницу, и меня. Зрелище действительно напоминает ревью с обилием блесков и обнаженной плоти. У идущих впереди участниц роскошные плюмажи на голове и на заду, и когда они движутся, перья колышутся и подрагивают. У других, идущих следом, вместо перьев – белые пушистые кроличьи уши и хвостики, точно так же подрагивающие, когда девицы вертят головой и задом. Следующие вскидывают ноги выше головы, так что развевающиеся юбки закрывают им лица, зато трусики выставляются на всеобщее обозрение. Замыкают шествие девицы в мини-юбках, с улыбками во весь рот, словно нарисованными на лицах. У некоторых на головах маленькие шапочки. Если они что-то роняют, то наклоняются в сторону, сдвинув бедра и вытянув руки вдоль тела, похожие на гармошки – впрочем, впустую, потому что трусики все равно видны. За ними валит густая толпа, в которой сплошь попадаются особы, одетые в вечерние платья, то есть длинные платья, открытые до талии – иногда спереди, иногда сзади, иногда и там, и

там, так что из-за круглых декольте груди и лопатки выглядят словно фрукты в корзинах. Наряженных таким образом больше всего, поскольку вечернее платье – униформа, в которой с одинаковым успехом можно рекламировать пиво, автомобили или холодильники, или демонстрировать свою принадлежность к кругам, особенно нелюбимым высшим светом. Все участницы шествия – в туфлях на высоких каблуках, так что лишь мыски их ног касаются земли. Процессия движется очень медленно, рабская плоть тащится с грехом пополам: спины и ягодицы устремляются вверх по воображаемому склону, образовавшемуся благодаря высоким каблукам, а груди, плечи и бедра – вниз. Я кричу Манастабаль, моей проводнице:

(Да, не скоро их возьмут в гладиаторы!)

В самом деле, они не похожи на древнеримских атлетов, играющих мускулами – напротив, их мускулы вялые и расслабленные, кажется, уже неспособные напрягаться. При виде этой старушечьей дряблости меня охватывает гнев, и я не могу удержаться, чтобы не закричать им:

(На мыло!)

И слышу, как чей-то голос с другой стороны площади кричит мне в ответ:

(Заткнись, сука!)

Я оглядываюсь по сторонам, и у меня не остается никакого сомнения, что толпа зрителей, отделяющая шествие от Манастабаль, моей проводницы, и меня, настроена совсем не так, как мы. Я всерьез опасаясь, что кроме нас здесь нет ни одного бунтовщика, и говорю ей об этом. Приходится довольствоваться лишь своим присутствием на параде в качестве тайного врага, не питая ни малейшей надежды вмешаться в происходящее. Манастабаль, моя проводница, молча смотрит на парад. Я едва осмеливаюсь говорить с ней, из опасения, что нас вычислят в толпе. Шествие замедляется еще больше. Сейчас мимо прохо-

дят особы из различных порнографических заведений, как закрытых, так и публичных. Их лодыжки и запястья скованы цепями. Если не считать этой экипировки, отвечающей их статусу, и туфель на высоких каблуках, они полностью обнажены. На них нейлоновые пояса, к которым прицеплено что-то вроде веревочных колокольных языков – эти веревки подпрыгивают и хлещут их по ягодицам. У других, лишенных этих атрибутов, в руках хлысты и дубинки с гвоздями. Некоторые демонстрируют приспособления, лишаящие доступа к их интимным местам. У некоторых кожа покрыта шрамами. Однако у всех на лицах улыбки, как и у предыдущих участниц шествия. Я затыкаю уши, чтобы не слышать их, но не могу не заметить отвратительного выражения экстаза, которое иногда мелькает на их лицах. Мои сжатые кулаки вздымаются в воздух, когда шествие движется дальше – я вижу, как какой-то мерзавец приближается к одной из осужденных душ, движущейся на четвереньках. Я отталкиваю его с криком:

(Эй, это всего лишь парад!)

Правильный поступок – ибо он тут же обрушивается на меня дубинку, которую уже собирался воткнуть в задницу своей жертвы. Вся остальная свора тоже бросается на меня, осыпая проклятиями. Но их слишком много, они смешиваются в кучу-малу и не могут достать меня – я ускользаю, пробравшись между их ногами, в то время как они в бешенстве хватают руками воздух, пытаясь меня поймать. Не медля ни секунды, я удираю с такой скоростью, словно за мной гонится сам дьявол, и даже не оборачиваюсь, чтобы не привлекать их внимания к Манастабаль, моей проводнице. Я пробегаю несколько кварталов и останавливаюсь лишь на пустынной улочке, где в изнеможении падаю на скамейку под деревом. Солнце садится за холмами Кастро. Морская вода в бухте кажется молочно-белой.

XVIII

Игральные карты

В мире, где они живут, всего два измерения. Я называю его миром игральнх карт. Они не более устойчивы, чем валеты пик или дамы червей. Однако они обладают упорством пешек, потому что поднимаются сразу же, как только упадут. Они сталкиваются друг с другом и валятся в кучу. Если мимо случается пройти человеку из третьего измерения, они снова валятся в ближайший дверной проем, а при необходимости падают плашмя в сточные желоба, и человек проходит над ними, даже не отдавая себе в этом отчета. Разумеется, среди них есть королевы (и даже короли) – пиковые, трефовые, бубновые, червонные. Но большинство – мелкая сошка: двойки, тройки, четверки, пятерки, шестерки, семерки, восьмерки, девятки и десятки – как пики и трефы, так и бубны и черви. Стоит лишь подойти к ним сзади и крикнуть что-нибудь – и вот уже никого не видно, все валяются на земле. Ах, можно сказать, что второе измерение лишь увеличивает хрупкость человеческого бытия! Надо их видеть в тех кварталах, по которым я слеую за Манастабаль, моей проводницей – вдоль длинных рядов небоскребов, между которыми виднеется море. Вот одна из них – на парковочной площадке, между двумя рядами автомобилей, прижавшаяся к дверце своего собственного – потому что вдалеке показался человек, судя по всему, из третьего измерения, поскольку он шествует с видом Александра Македонского, ничего вокруг не замечая. А вот целая очередь на автобусной остановке – если смотреть на них спереди, они выглядят просто как ряд штрихов, прочерченных на невидимой стене, которую они обозначают своим присутствием. С какой стороны к ним ни подойди, они плоские как доски; они ходят боком по прямой линии, поворачиваясь вокруг своей

оси таким образом, чтобы представлять собой лишь плоское пространство, и распрямляя плечи. Они вжимаются во что угодно, лишь бы избежать столкновения: в стены, ворота, водостоки. Кроме того, существует свод правил для второго измерения, который предписывает им выпрямлять плечи, не сгибать колени, сжимать бедра, сводить лопатки и прижимать руки к туловищу. Стоя рядом с Манастабаль, моей проводницей, я восхищаюсь тем, как эти почти бесплотные существа могут выполнять то количество работы, о котором свидетельствуют статистические данные ООН. И вот полицейский подбирает их – целую армию распростертых лицом вниз между прутьями решетки городского сада. Он собирает карты одну за другой, приподнимает кончиками пальцев, чтобы рассмотреть, и одновременно говорит, скаля зубы:

(Ну что, будем паиньками, а?)

Потом он заставляет их подняться и грубо толкает вперед.

XIX

Ярмарка сокровищ

Выйдя на авеню Долорес, можно увидеть чуть выше линию холмов на фоне светлого в этом районе неба и перпендикулярно – аллею пальм с неподвижными звездообразными кронами. Множество женских фигур, укутанных темнотой, пробираются в парк группами, поодиночке или парами. Несмотря на большое число людей, толпа выглядит однородной и остается молчаливой. Я вслед за Манастабаль, моей проводницей, направляюсь к тому месту, где, судя по всему, состоится собрание. Самая сильная давка – возле поросшего травой холмика, где и сгрудилось большинство присутствующих. И вот без всяких предварительных уведомлений из толпы раздается голос, отчетливо

слышный, хотя и не усиленный громкоговорителем, – однако нельзя понять, кто именно говорит. Голос произносит:

(Добро пожаловать злодейкам всех сортов – be it through plunder, be it through theft, be it through looting, be it through pirating¹. Пусть они прибывают в Сан-Франциско отовсюду – по воздуху, по морю, по суше и даже по железной дороге. Полтора столетия назад Сан-Франциско отстроился меньше чем за пятнадцать лет благодаря подобному наплыву. Итак, разложите свои сокровища при лунном свете – нужно иметь очень слабое зрение, чтобы не разглядеть их так же хорошо, как при свете дня!)

Больше никто не говорит, но в толпе нарастает оживление: все жестикулируют, движутся, топчутся, перемещаются с места на место; слышен шорох подошв, иногда босых, торопливые шаги, перешептывания, глухие удары от столкновений. Вдруг откуда-то появляется множество лошадей с блестящей шерстью, за ними следуют коровы, овцы и козы. Вскоре по всему склону парка разливается смутный гул. Внизу виднеется темная масса строений старой Миссии с мощными каменными стенами. Манастабаль, моя проводница, ведет меня через парк к тому месту, где горами сложено золото. Самое разное: необработанные слитки из недавно открытых рудников, золотые ковчеги и дароносицы изысканной работы, резные кубки, блюда, столовые приборы, а также монеты в кошельках. Дальше – банковские билеты в почтовых мешках, в основном доллары – некоторые пахнут новенькой бумагой и свежей краской, потому что украдены совсем недавно. Другие, потрепанные и мятые, горами свалены в картонные коробки или старые чемоданы и даже высыпаются из них. Затем Манастабаль, моя проводница, подводит меня к нагромождению баков, похожих на те, в которых перевозят бензин. Они открыты и наполнены белым кристаллическим порошком, который очень напоминает аскорбиновую кислоту – я думаю так до тех пор, пока

¹ Благодаря грабежу, краже, мародерству, пиратству (*англ.*)

Манастабаль, моя проводница, не шепчет мне на ухо, что это такое, потешаясь над моим невежеством. И когда я непонимающе смотрю на нее, она говорит:

(Это не менее ценно, чем золото и доллары.)

Я смотрю на баки высотой мне по плечо и на толпу, подходящую к ним. Каждая из женщин быстро опускает в ближайший к ней бак указательный палец и облизывает его, стараясь распробовать острый и едкий вкус, прищелкивает языком и покусывает губы, чтобы убедиться, что они онемели. В гуще собрания, в самом сердце толпы, словно защищенная ею – выставка драгоценных камней всех размеров: бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, топазы, жемчуга, янтарь, опалы, аметисты, агаты, ониксы, гранаты, обсидианы, нефриты, бериллы, хризолиты, аквамарины, гиацинты, яшма. Я говорю Манастабаль, моей проводнице:

(Держи меня за руку, не то я прикарманю пару камушков!)

Она отвечает:

(Все, что выставлено здесь, собрано со всего мира. Так что действуй – от них не убудет.)

И, видя мое удивление, продолжает:

(Все эти богатства должны быть розданы. Они предназначены для того, чтобы их использовать, а не копить. Каждая берет, сколько нужно.)

Предоставленная своему собственному здравому смыслу, я не притрагиваюсь к бриллиантам, жемчугам, рубинам, сапфирам, изумрудам, топазам и другим драгоценным камням, довольствуясь лишь несколькими ониксами и аметистами. Царящая здесь относительная тишина, должно быть, вызвана той душевной сосредоточенностью, с которой каждая оценивает свои потребности – это нужно сделать как можно быстрее, потому что ярмарка скоро закроется. Я рассматриваю все, что предлагается здесь бесплатно. Помимо описанных мною сокровищ есть и другие, разложенные тут и там по всему парку – ткани, покрывала, стеганные одеяла, кожи, ковры. Провизия. Одежда.

Приборы и оборудование всех сортов: механические, электрические, электронные. Есть даже музыкальные инструменты – некоторые тяжелые и громоздкие, вроде пианино и органов. Есть грузовики, легковые автомобили, мотоциклы. Но я не могу упустить случая приобрести аппалузскую кобылу с большими иссиня-черными пятнами на боках и крупе, похожую на лошадей, нарисованных на стенах пещер в Керси. Когда я увлекаю Манастабаль, мою проводницу, вниз по склону парка, где лошади теперь стоят неподвижно, она говорит:

(Зачем тебе лошадь в преисподней, Виттиг? Это не вестерн! Иногда в твоём смешении жанров проступает что-то варварское!)

Однако я не оставляю мысли уехать из парка верхом на лошади, может быть, даже прихватив с собой еще двух, и поскольку надвигается ночь, я тороплю Манастабаль, мою проводницу, чтобы она выбрала лошадь для себя. Мой собственный выбор уже сделан, и моя кобыла стоит оседланная, готовая отправляться в путь. Мне она представляется идеальной. Тем временем я рассматриваю других лошадей вокруг нас. Я могла бы очень долго описывать их, если бы на них не было длинных, до самой земли, черных или красных попон, надетых словно для маскировки. Придирчиво осмотрев с головы до ног лошадь паломино со светло-каштановой гривой, выбранную Манастабаль, моей проводницей, я предлагаю побыстрее отправиться за долларами, чтобы поживиться как следует.

XX

Рай 3

Я стремлюсь к тебе, мой прекрасный рай, из самых глубин преисподней, хотя могу различать тебя лишь мгновениями, и хотя, если бы мне не хватило слов, ты исчез бы, лишенный этого

отображения. И однако я стремлюсь к тебе с одинаковым упорством рассудка и страсти. Ибо такой, каким ты мне представляешься, ты, вне всякого сомнения, должен существовать. Когда город отражается своими башнями во влажном песке и в воде бухты, или когда он парит между облаками и пеленой тумана, между небом и землей, повисая в пространстве, или когда на него смотришь со стороны Золотых Ворот, там, где море врывается в город и к вечеру краснеет от лучей заката, – вот тогда, мой прекрасный рай, ты заставляешь сжиматься мое сердце. Когда слова во множестве приходят ко мне в глубины преисподней, когда я иду, поддерживаемая их крылатым войском, когда они, шелестящие, легкие, звучные, заменяют воинство ангелов, которое спускается с небес лишь в исключительных случаях, – тогда, мой прекрасный рай, я ищу среди них те, что могла бы сказать тебе и посредством которых могла бы воплотить тебя в зримые формы раз и навсегда. Но Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Виттиг, еще не время. Вспомни о своей плачевной авантюре со словом «красота». Я уж подумала, что ты спикируешь прямо в бухту и свалишься в воду, как Икар, и даже без всякой уважительной причины, вроде расплавившихся на солнце восковых крыльев.)

Когда я приношу ей запоздалые извинения, она отвечает:

(Не надо извиняться, Виттиг, ты делаешь то, что должна. Но я, Манастабаль, твоя проводница, говорю тебе: не позволяй словам себя увлечь, ибо это не пройдет даром.)

Пролетает ангел, хотя мы и не в раю – ибо хорошо известно, что такое случается, когда посреди разговора воцаряется тишина. Я со всех сторон окружена шорохом его крыльев, и меня охватывает восторг. Душа моя почти готова расстаться с телом, и я лишь успеваю прошептать:

(Возьми меня в рай, прекрасный ангел!)

Но я чувствую, как злится Манастабаль, моя проводница. Она в гневе ударяет меня и резко произносит:

(Уверяю тебя, Виттиг, что здесь тебе недостаточно будет красивых словес, чтобы тут же воспарить на небо!)

И мне приходится снова замолчать, мой прекрасный рай – до тех пор, пока я не смогу раз и навсегда найти точные слова – под угрозой потерять тебя.

XXI

Бабочка

Я свечу карманным фонариком во все стороны, проводя его прямым лучом по песку пустыни, которая в этот час густо населена теньями, словно предрассветный сумрак. Вдруг появляется бабочка – я не замечаю, откуда, но слышу ровный и сильный шорох ее крыльев и легкий свист в воздухе, когда она складывает их. Ругаясь вовсю, она просит меня погасить фонарик. Потом замолкает. Напрасно я спрашиваю, откуда она прилетела и что делает в пустыне – она не достаивает меня ответом. Если ее привлек свет фонарика, то я только рада, потому что теперь у меня будет компаньонка на время ожидания Манастабаль, моей проводницы. У нее шесть лапок, покрытых хитиновым панцирем и поросших длинными шерстинками, а на крыльях – нежные перышки, которые дрожат и переливаются геометрическим узором. мех на ее тельце, так же как и крылья, светится в темноте, но, погрузив в него ладони, я не чувствую никакого тепла. Она также разрешает мне потрогать ее лапки, но только не крылья, потому что перышки на них осыпаются от прикосновения. Ее глаза тоже светятся, и в них поблескивают искорки. Должно быть, я ненадолго засыпаю, потому что, снова посмотрев перед собой, вижу в слабом свете (наконец-то рассвело) вереницу душ, бредущих, опустив головы. На поясах у них мечи. Я кричу им:

(Не смейте идти дальше, жалкие создания, поворачивайте обратно! Если пойдете вперед, вы погибнете, ибо эта дорога ведет в ад! Еще шаг – и вам придется сдаться безоговорочно, сложить оружие, позволить связать себя по рукам и ногам и отдаться во власть противника. Вы будете побеждены.)

Когда я еще раз выкрикиваю последнее слово, до меня доносится их ропот, возмущенные возгласы, издевательские повторы. Я снова обращаюсь к ним:

(Умоляю вас, уходите! Вы сами себя погубите! Не медлите, возвращайтесь обратно!)

Теперь они сбиваются в толпу и с ненавистью смотрят на меня. Они выхватывают мечи из ножен, в спешке задевая друг друга, и те, сталкиваясь, звенят в воздухе. Они говорят:

(Кем ты себя вообразила, бесстыжая? Ты хоть знаешь, о чем говоришь? Должно быть, тебя воспитывало в пустыне это чудовище, которое тебя охраняет, раз ты столь невежественна!)

Я совсем забыла про бабочку, которая неподвижно сидит рядом со мной, как будто уменьшившись в размерах; ее передние лапки с пятью сочленениями в каждой сложены на груди. А те продолжают:

(Ты знаешь, о какой суровой, упорной, нескончаемой борьбе ты говоришь? К тому же, если бы надо было сражаться в открытую, я бы никогда не уступила! В честной схватке меня не победили бы, о нет! Но удары всегда наносятся в спину, среди ночи, а зачастую и тогда, когда у тебя нет оружия – после заключения пакта о союзнчестве, после проповедей о благих намерениях, после мирного договора. А оружие, которое ты видишь – это хороший меч, он славно рубит. Но он ничего не может против ружей, пистолетов, винтовок, гранат и прочего в этом роде. Щит также бесполезен, потому что борьба ведется незаконным оружием. Но, несмотря на все это, я не сдавалась. Ах, вот ты меня оскорбляешь, говоришь со мной как с трусливым отребьем, но ты не знаешь, как я сражалась! Африканские

пигмеи смогли со своими луками и стрелами противостоять армии, вооруженной современной техникой. Гебридские племена с теми же самыми луками и стрелами восстали в Полинезии. Хотя я не собираюсь недооценивать доблестей такой войны на изнурение, я также знаю, что в тех случаях, о которых я говорила, воюющим следовало отступать лишь после того, как технологически оснащенные армии противника получили приказ не уничтожать их. В моем случае никакой пощады не будет, все средства хороши! И, как будто этого недостаточно, мне приходится день и ночь выслушивать их дурацкие шуточки вроде этих: «Глиняному горшку с железным не биться, повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить...», «Посмотрите-ка вон на ту, у которой меч болтается между ног! Засадить бы ей вместо него хороший елдак, да пошуровать как следует! Займитесь кто-нибудь!» «Эй, малышка, тебе надо расслабиться... Хочешь, помогу?», «Эй ты, сама себя зарежешь своим мечом, нука дай его сюда!», «Эй, красотка, тебе бы вместо него зубочистку!..» И когда я выхватываю меч, они с ног валяются от смеха!)

Я спрашиваю:

(Но в таком случае что вам мешает нападать всем одновременно? Рыцарский кодекс чести? Жалость?)

Они отвечают, склонив головы:

(Руки опускаются, больше нет сил.)

Я говорю:

(Вы легко поддаетесь эмоциям. Что вы делаете, когда разгневаны?)

Они снова оживляются и возмущенно восклицают:

(Разгневаны! Послушайте только! Я испытывала гнев день за днем в течение целого года – а это восемь тысяч семьсот шестьдесят часов, потому что я считала не только часы бодрствования, но и сна, ибо даже во сне гнев не покидал меня! Сколько лет, как ты думаешь, человеческий механизм способен

продержаться в таком режиме? Его силы не безграничны, ты об этом знаешь?)

И весь их гнев в последнем порыве обрушивается на меня. Они уже снова сгруппировались, упорядочили строй и, обнажив мечи, собираются меня атаковать. Кроме того, у них в руках щиты. Они кричат:

(Ты так и останешься под защитой бабочкиных крыльев? Чего ты ждешь? Или ты только орать горазда? Сейчас ты узнаешь, что такое гнев! Бейте их обеих!)

Разумеется, я хватаю ружье. Но выстрелов в воздух наверняка будет недостаточно, чтобы их напугать – это не первое их сражение. Я оборачиваюсь к своей недавно появившейся компаньонке, которая, уже ясно различимая в свете дня, производит сильное впечатление. Теперь я понимаю, что так долго удерживает их на почтительном расстоянии и почему они все еще не решаются приблизиться. Бабочка черная, как смоль, за исключением тельца и лапок – они золотисто-бежевые. На голове у нее вместо усиков – два ряда перьев. Ее хоботок, напоминающий епископский посох, хотя и закрученный, кажется, при необходимости может трансформироваться в грозное оружие. Она распахивает крылья, и расстояние между ними оказывается больше, чем между моими раскинутыми в стороны руками. Когда она взмахивает ими, они издают шелковистый шорох, и перья-антенны на ее голове подрагивают и сверкают. Потом она делает несколько неторопливых шагов. Я замечаю, что даже самые смелые противницы не двигаются с места, а большинство остальных быстро отступают, некоторые даже бросают свои тяжелые мечи. Слышны крики. Одна из тех, кто остается на месте, вопит:

(Ну, иди сюда, крошка! Думаешь, я тебя боюсь? Какую-то бабочку? Да я запросто проткну тебя мечом!)

Тем не менее, никто не осмеливается подойти ближе. Они образуют круг защиты, похожий на те, что можно видеть в вестернах – спиной к спине, уперев одно колено в землю, с оружием

наготове (правда, вместо пистолетов у них мечи и щиты, поднятые на уровень лиц) – и готовятся отразить нападение. Видя такую смелость и решительность, я говорю им:

(Зачем нам сражаться, если мы в одном лагере? Победите вы или будете побеждены, все равно ваш враг – мой враг. Было бы лучше объединить силы против него.)

Шум голосов мешает мне продолжать. Я слышу негодующие выкрики:

(Долой непрошенных советчиц!)

И когда я иду к ним, вытянув руки ладонями вверх, они набрасываются на меня. Бабочка бесшумно взмывает в воздух, что, учитывая ее размеры, кажется довольно странным. Она пролетает над головами атакующих, затем начинает снижаться, хотя непонятно, в каком направлении, потому что она порхает туда-сюда. Ее хоботок раскручивается, как лассо, и едва не достает до земли. Не останавливаясь, она опоясывает им талию одной из меченосиц и поднимает ее в воздух со всем вооружением. Остальные кидаются врассыпную, в беспорядке побросав мечи – но не щиты, потому что нет времени отцепить их. Я кричу им:

(Остановитесь! Не бросайте мечи!)

Но они исчезают, как стая воробьев, и вот я уже не могу их разглядеть в молочной туманной пелене рассвета. Бабочка опускается на песок рядом со мной, по-прежнему сжимая бедную душу своим хоботком – та, насколько я могу судить по ее безжизненной вялости, лишилась сознания. Я подхожу к ней, сжимая в руке флакон с эфиром, и освобождаю ее. Она начинает понемногу приходить в себя, когда появляется Манастабаль, моя проводница, и говорит:

(Хорошая мысль мне пришла – отправить к тебе крылатую спутницу, и вовремя я вспомнила об этих побитых душах, появляющихся на рассвете, которые каждый день отправляются на изнурительную войну в ад. Это храбрые души, и мне хотелось бы, чтобы ты оказала им должные почести, как побежденным

противникам. Но поскольку ты увидела их в первый раз, ничего удивительного, что ты собиралась вступить с ними в схватку.)

Я спрашиваю:

(Но скажи мне, наконец, Манастабаль, моя проводница, зачем они идут в ад?)

Она отвечает:

(Раз уж все равно пропадать, так лучше потерять все разом и покончить с этой неравной борьбой, заранее обреченной, сопровождаемой медленной и жестокой пыткой, которую доставляют непрерывные поражения.)

Не зная, что на это ответить, я показываю Манастабаль, моей проводнице, груды брошенных мечей и спрашиваю, нельзя ли вернуть их владельцам. Единственная оставшаяся из них смотрит на меня. Я говорю:

(Как бы то ни было, они совершили ужасную ошибку, решив напасть на меня, их пламенную союзницу! Тебе надо было видеть, Манастабаль, моя проводница, с каким ожесточением они собирались разрубить меня на куски!)

Пленница, все еще неспособная вымолвить ни слова, молчит. Вместо нее отвечает Манастабаль, моя проводница:

(Где же твоя философия? Разве ты не знаешь, что побежденные, в своем бессилии против настоящего врага, в своем незатухающем гневе и своем желании разрушать любой ценой – ибо однажды взяв в руки оружие, его нельзя оставлять в бездействии – уничтожают друг друга, если у них нет другого выхода, ибо в этом случае их гнев заставляет их принимать за врага любого, кто к ним приближается.)

Не в силах слушать дальше, я кричу:

(Ах, говори что хочешь, но попробовала бы ты оказаться на моем месте!)

Пленница уже поднялась на ноги и явно собирается бежать. Манастабаль, моя проводница, направляется к ней – без сомнения, чтобы ее успокоить, но перед этим говорит мне и бабочке:

(Соберите мечи, надо их вернуть.)

XXII

Стены

Их привозят без всякого шума, после наступления ночи, в крытых грузовиках. Потом выводят одну за другой и запирают в комнатах, домах, квартирах, дворцах, пикапах, тюремных камерах, лачугах. Стены – потрескавшиеся, с живущими в них ящерицами, или из сверкающего мрамора, или затянuty роскошной парчой – но все они высоки, и из них не выбраться. Даже отсюда, где я стою на возвышении рядом с Манастабаль, моей проводницей, я могу видеть сквозь дверной проем на открытой террасе эти стены и языки пламени, поднимающиеся вдоль них до самого потолка. А вот и они – каждая под присмотром своего тюремщика, готового разжечь огонь в своей собственной лачуге, чтобы помешать их бегству. Живут ли они в лачугах или во дворцах, сами ли они выполняют всю тяжелую работу, или кто-то делает это за них – они окружены стенами. Говорят, что некоторые из них делают зарубки на дверных косяках, считая дни, а другие прячут деньги под половицами. Говорят, что некоторые морят себя голодом до смерти. Говорят, что они перестукиваются между собой по трубам, встречаются в лифтах и на черных лестницах, даже разговаривают по телефону. Они под строгим присмотром, и я замечаю Манастабаль, моей проводнице, что поскольку мы не можем попасть в их жилища, то не можем и принести им никакой пользы. Двери заперты. Окна задернуты плотными шторами, не пропускающими электрический свет. Когда в темноте идешь вдоль домов, за этими шторами не видно даже теней. Иногда за окнами мелькает силуэт, чье лицо невозможно разглядеть против света, даже если вплотную прижаться лбом к стеклу, и внезапно исчезает, грубо оттащенный кем-то от окна – толком никого различить так и не удастся. Днем в открытые окна можно увидеть, как они стоят, согнувшись у плиты, не глядя по сторонам, словно

под страхом наказания. Когда они выходят за ворота, на миг обрадованные, с них не спускают глаз. Возвращаются они также под присмотром, порой в окружении группы захвата, которая тащит их насильно. Иногда на улицах встречаются такие, которые еще могут смеяться. Но даже эти, как и все остальные, смотрят прямо перед собой, избегая глазеть по сторонам – и в самом деле, когда подойдешь к ним поближе, видишь, что у них шоры на глазах. Я взяла привычку, разгуливая по ночным улицам вместе с Манастабаль, моей проводницей, петь под закрытыми окнами, сопровождая себя на лютне:

(Выйди, выйди ко мне, о прекрасная! Приди ко мне, моя радость, мое сокровище!)

Я иду, распевая, – такая Блондель де Несль в поисках Ричарда Львиное Сердце, и на голову мне выливаются ведра воды – в самом центре Сан-Франциско! Манастабаль, моя проводница, отпускает по этому поводу множество ехидных замечаний. Но тщетно она одолевает меня своими предостережениями и своим сарказмом, тщетно я спрашиваю ее, что же она называет лесбийским наказанием, напрасен весь шум – никто не выходит. Они заперты на ключ, некоторые даже в чуланах. И когда из-за темных окон слышатся крики отчаяния, бесполезно кидаться во все стороны – все равно не удастся определить, откуда они доносятся. Иногда вопли ужаса переходят в громкий резкий хохот. Тогда Манастабаль, моя проводница, вкладывает мне в руки лютню, чтобы я продолжала петь.

XXIII

Озеро

Продвижение вперед трудное и медленное. Ветер, который гонит песчаные волны по пустынным пространствам преисподней,

усиливается. Он едва не срывает с меня одежду – его сила такова, что несколько раз я чувствую, как приподнимаюсь над землей, и Манастабаль, моей проводнице, дважды приходится меня удерживать, чтобы я не улетела окончательно. Это похоже на кошмар – тебя уносит куда-то, и ты не можешь вернуться. Наконец мы добираемся до озера, поверхность которого тускло отсвечивает в полусумраке, царящем в этих проклятых местах. У осужденных душ, которых мы встречаем по пути, по щекам катятся слезы. Они молча идут в том же направлении, что и мы. На шее у каждой – витая фиолетовая веревка. Когда я спрашиваю Манастабаль, мою проводницу, в чем смысл этих новых встреч, она делает мне знак молчать. Без сомнения, не пристало нарушать глубокую тишину этого места, в которой слышны лишь завывания ветра. Мне хочется рухнуть под какой-нибудь из тшедушных кустов, растущих на песке вокруг озера, но это ненадежное убежище. Приходится стоя противостоять ветру, который стягивает мне кожу на лице, превращает глаза в щелочки и обнажает десны. В какой-то момент две осужденные души встречаются лицом к лицу и приветствуют друг друга, склоняясь в глубоком поклоне, как каратисты перед началом поединка. Потом каждая из них хватает веревку, висящую на шее другой, и принимается затягивать ее изо всех сил. Я бросаюсь к ним, чтобы помешать обоюдному убийству, но Манастабаль, моя проводница, запрещает мне вмешиваться. Мне остается лишь следить за этим странным действием, до тех пор, пока обе противницы, затянув веревки со всей силой, на какую только способны их изнуренные тела, падают на песок и умирают в жестоких спазмах от удушья. Итак, у нас на руках новые трупы, и каков на сей раз был повод для убийства, я не знаю. Вскоре на берегах озера появляется целая толпа душ с веревками на шее, которые все прибывают. После обмена приветствиями, в большинстве случаев похожего на тот, что был описан выше, они по обоюдному согласию нападают друг на друга и затягивают

веревки до тех пор, пока не наступают удушье и смерть. Все происходит очень быстро и в полной тишине. Ни крика, ни мольбы, ни стоны, ни протеста не срывается с губ этих несчастных созданий. Приходится заключить, что жертвы сами согласились на обоюдное умерщвление. Был ли вынесен приговор, которому они подчинились, – неизвестно. Нет времени расспрашивать об этом Манастабаль, мою проводницу, ибо трупы все множатся, и нужно управиться с ними до зари, каким бы тусклым ни был окружающий свет – не годится оставлять их без погребения, не защищенных от ветра, света и чужих глаз. Итак, волей обстоятельств мы снова оказываемся могильщицами. Но на этот раз речь идет не о раздавленных туловищах или отрезанных конечностях – трупы, лежащие на земле, покрыты синяками и кровоподтеками, поскольку смерть, даже добровольная, не обходится без жестокой борьбы и сопротивления тела. Мы опускаем трупы в уже готовые могилы и засыпаем их землей, предварительно позаботившись о том, чтобы у каждого одна рука была поднята вверх. На исходе ночи над бесплодными и переменчивыми песчаными землями, окружающими озеро, вздымается огромное количество рук, словно выросших из земли. Вопли ярости вырываются из моей груди, и я терзаюсь непониманием: какова причина этих смертей, и почему их нельзя было предотвратить? И поскольку Манастабаль, моя проводница, не отвечает, я обращаюсь к какой-то одинокой душе, бредущей, словно во сне, с крученой фиолетовой веревкой на шее; очевидно, она осталась в живых лишь потому, что так и не встретилась лицом к лицу ни с одной из себе подобных. Я останавливаю ее и спрашиваю:

(Скажи мне, несчастное создание – ибо ты не можешь не быть несчастной – где мы?)

Она, кажется, прилагает огромные усилия, чтобы переключить внимание на меня. Наконец слова слетают с ее распухших губ, но при этом она по-прежнему пребывает в отрешенности:

(Чужестранка – ибо тебе, очевидно, неизвестно, что это за место – знай, что ты находишься на берегу озера самоубийц.)

Передо мной словно вспыхивает свет среди крошечной тьмы.

(Так вот почему на вас фиолетовые веревки – не убийства вы совершили, а самоубийства! Что же толкнуло вас на поступок столь необратимый? Говори! Расскажи все, что знаешь!)

Голова моей собеседницы тяжело клонится к земле. Наконец, несмотря на то, что ей невыносимо тяжело мне отвечать, она продолжает:

(Как тебе должно быть известно, чужестранка, самоубийства столь же рождаются между собой, как и самоубийцы. Однако сходство, обнаруживаемое между ними здесь, свидетельствует о том, что через смерть все они стремились обрести свободу. Вот почему мы сами роем себе могилы – ты видишь, они зияют тут и там. И хотя это благородное решение, единственно возможное для избавления от самых отвратительных видов рабства, дается оно отнюдь не с легким сердцем. Вот почему ты видела эти скорбные лица, эти отчаянные взгляды, эту тяжелую походку, эти слезы на щеках. Поэтому назвали это озеро Озером Скорби. Эти руки, вздымающиеся над землей – последний протест против несправедливой судьбы.)

Я не нахожу слов для ответа, и, видя, что она снова забыла обо мне, позволяю ей уйти. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Трудно, Виттиг, не впасть в отчаяние в преисподней. Вот почему эти несчастные создания направляются к озеру, где убивают друг друга, раз уж им не удастся прийти к смерти прямым путем.)

Я смотрю на воздетые руки, торчащие из этой мрачной земли, которая всего за одну ночь стала кладбищем для столь многих и дала пищу воронам. Меня удивляет, что нет способа остановить самоубийства и отправить осужденные души в чистилище. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Они не хотят туда уходить, хотя знают дорогу, как знают и то, что спасение трудно, но возможно. Не страх их останавливает – ибо, потеряв жизнь, они готовы потерять все. Дело в том, Виттиг, что уже слишком поздно. Сила, которая позволяет двигаться с легкостью, оставила их навсегда, и в чистилище они будут всего лишь подобием самих себя. Они попадают сюда уже мертвыми, ибо механизм разрушения (тирания, подавление, преследование) прокатывается по ним как паровой каток, лишая их малейших попыток к сопротивлению. Смерть – их единственный выход, и я сожалею, что мне приходится тебе об этом говорить.)

Я отвечаю:

(И мною тоже, Манастабаль, моя проводница, овладевает желание броситься вниз головой в Озеро Скорби. Но уверяю тебя, меня мало заботит, окажется ли после смерти моя рука поднятой в знак протеста. Позволь же мне искупаться, и если я не вернусь, считай, что моя смерть, как и смерть остальных, была неизбежна. Я и без того уверена, что не вернусь живой из преисподней.)

Манастабаль, моя проводница, молча смотрит мне в глаза, потом говорит:

(Неужели ты сдашься теперь, после всех перипетий, которые уже позади? Наберись мужества, ибо я с тобой.)

Говоря это, она легонько опускает руку мне на плечо. Но несмотря на это, я падаю на землю и оглашаю стонами и рыданиями эту обитель скорби. Больше всего угнетает то, что здесь нельзя напрямую сразиться с врагом, поскольку он не имеет зримого облика. Ибо где они, эти преступники, согнавшие столько душ, словно отчаявшееся стадо, на берега озера самоубийств? Где те работоторговцы, те банкиры, которые подсчитывают прибыль от скорби и слез? Очевидно, они в аду. Но для них ад – это рай. Они счастливо улыбаются, сидя на своих мешках с золотом, и развлекаются со своими дубинками,

ружьями и бомбами... Когда я, нарыдавшись вдоволь, замолкаю, Манастабаль, моя проводница, осторожно поднимает меня и говорит:

(Теперь пойдем выпьем по глоточку, ибо это еще не конец твоих испытаний.)

Я отвечаю:

(В таком случае пойдем туда, где, раз уж одни души обречены на муки, другие слушают музыку на концертах.)

XXIV

Бицефалы

Однако наши злоключения еще не кончены – мы по-прежнему бредем через пустыню, по которой ветер гонит изменчивые песчаные волны. Ослепительный свет движется вместе с ветром, серебристыми отблесками отражая фрагменты неба на поверхности песка и порой замирая, словно спотыкаясь о неровности рельефа. Блузка Манастабаль, моей проводницы, яростно хлопает вокруг ее тела, образуя прямо перед моими глазами, на высоте в половину человеческого роста от земли, белое дрожащее сияние. Я не сразу замечаю странные фигуры, идущие нам навстречу, потому что мое зрение затуманено и в глазах двоится. Однако эти существа, похоже, действительно двухголовые – их головы покачиваются из стороны в сторону, тела движутся то вперед, то назад. Я замечаю, что их руки и ноги, в зависимости от их нужд, могут сгибаться в разные стороны, локти и коленные чашечки – двусторонние, а некоторые бицефалы приближаются к нам спиной вперед. Головы их подобны голове Януса – с двумя ликами, обращенными в прошлое и будущее. И вот так они почти незаметно продвигаются вперед неровной линией, которая изгибается и петляет на

каждом повороте дороги, на равном расстоянии между чистилицем и преисподней. Некоторые испускают жалобные вопли и плачут одним из своих лиц, тогда как другие лица улыбаются и смеются. Большинство из них перемещаются в очень узком пространстве на грани между адом и чистилицем, оставаясь на той или другой стороне в зависимости от того, куда их толкает та или другая голова. Многие бицефалы, пользуясь тем, что одна из их голов спит, торопятся либо повернуть назад, либо двинуться вперед, следуя побуждению той головы, которая бодрствует. Нет необходимости просить Манастабаль, мою проводницу, объяснить этот феномен, потому что она сама говорит, перебивая шум ветра:

(Именно их сила, Виттиг – причина их раздвоенности, этих двухголовых осужденных душ. В самом деле, весь их ум породил в них двоякое стремление – покинуть ад и остаться в нем. С одной стороны, у них есть полное представление о том, как устроен ад, они способны овладеть его механизмами и его науками, они вошли во вкус и стали повелительницами в своих владениях. С другой стороны, они в совершенстве знают механизм господства, который привел большинство душ к участи осужденных. И вот они держатся на полдороге, не зная, на какой стороне действительно хотят остаться, обремененные своими двумя головами. С одной стороны, они придерживаются мнения, что лучше оставаться властелинами в аду и контролировать происходящее. С другой, считают, что лучше бежать из ада незамедлительно.)

Я говорю:

(Пусть бы они унесли с собой знания, науки и технологии, которых нам так не хватает!)

Манастабаль, моя проводница, вздыхает и долго молчит. Потом говорит:

(Но материальные орудия они не могут унести с собой. Из-за этого они и не решаются переступить черту, это и вынуждает

их так долго размышлять, что головы у них раздваиваются, это и заставляет их мучиться и двигаться в противоположных направлениях. Ибо, хотя у них есть наука и технологии, они все же еще не могут выяснить, как восполнить нехватку орудий или, при наличии этих орудий – как их использовать и как изменить их первоначальное назначение.)

Я слушаю Манастабаль, мою проводницу, смотрю на бифефалов, покачивающихся взад-вперед, и на их двойные лица – иногда у одного из двух закрыты глаза. И вдруг я замечаю в центре их вереницы торжественное шествие, несущее на вытянутых руках всевозможные механизмы, среди которых я различаю множество компьютеров. Когда я уже собираюсь приблизиться к ним, чтобы поздравить с такими ценными приобретениями, Манастабаль, моя проводница, удерживает меня за руку и говорит:

(Не дергайся, Виттиг. Все эти модели устарели или скоро устареют – еще раньше, чем будут использованы по назначению. И они это знают.)

XXV

Лимб 3

Сидя за столиком кафе, я с удовольствием наблюдаю за публикой в баре. При виде каждой новой посетительницы мне хочется подняться, подойти к ней и поблагодарить ее за то, что она оказалась в этом месте. Или взобраться на стол и провозгласить тост сразу за всех спасшихся беглянок, которые собрались здесь. Я так бурно выражаю свой восторг, видя их уже вне опасности, что Манастабаль, моя проводница, наконец восклицает:

(Ну, Виттиг, я вижу, ты довольна!)

На что я, слегка поникнув головой, отвечаю:

(После преисподней это как глоток свежего воздуха.)

Но Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Быстро же ты забываешь! Вряд ли тебе еще когда-нибудь понадобится купание в Ахероне. Ну да ладно, тебе так или иначе нужно было приободриться. Только не надо никаких тостов за меня.)

Я пью свою текилу, теперь уже молча, обводя глазами бар. Я думаю о том, что мое вмешательство было бы несвоевременным и неуместным – как проверка документов у загулявших моряков. Чтобы изменить общее настроение, я говорю Манастабаль, моей проводнице:

(Возможно ли, Манастабаль, моя проводница, что осужденные души действительно умны, как ты говорила в случае с бифефалами? Мне-то всегда казалось, что только из-за своего отупения они остаются в аду.)

Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Это твой принцип: «или – или». Ты не различаешь нюансов. Ты не видишь ничего сложного в том, на чем держится ад. Ты провозглашаешь, что его нужно разрушить, и думаешь, что для этого достаточно одного толчка.)

И когда я протестую, она говорит:

(Впрочем, речь не о тебе, а о тех, кого это касается. Это правда – и я убедилась в этом на опыте – что самые великие человеческие умы находятся среди осужденных душ. Причина этого в том, что как только они начинают понимать, что происходит вокруг, они твердо убеждаются, что смогут усовершенствовать свой мир с помощью действующих законов и на этот раз развитие пойдет во всех направлениях, а не только тех, которые требуются правящей власти. К тому же их, должно быть, сотворили с двойным мышлением, и эта двойственность порой приводит к тому, что, как ты видела, у них вырастает по две головы. И это правда, я не отрицаю, что испытываю нечто вроде любви к умному человеку, ведущему постоянную борьбу с самим собой.)

XXVI

Рай 4

Ветер внезапно прекращается. Слезы, вызванные им, перестают течь из глаз. И я вижу под сияющим солнцем буйство красок, изобилие цветов и растений, вдыхаю теплый и благоухающий воздух. Манастабаль, моя проводница, остается неподвижной в нескольких шагах от меня, в том состоянии довольства, которое я видела у нее только в раю. В самом деле, она совсем не такая (или не такой мне представляется) в барах и кафе чистилища или в проклятых местах преисподней. Я спрашиваю ее, скоро ли можно будет покинуть ад и выйти на дорогу с другой стороны чистилища, чтобы раз и навсегда достичь рая, куда мы в данный момент попали случайно и ненадолго. Манастабаль, моя проводница, отвечает так:

(Сюда, в рай, я попадаю точно так же, как и ты – независимо от своей воли. Поэтому я не могу тебя сюда привести. Это предстоит сделать той, которая ждет тебя среди ангелов. Но это будет еще нескоро.)

На это я говорю:

(Прошу тебя, Манастабаль, моя проводница, расскажи мне все-таки об этом заранее!)

Она отвечает:

(Смотри скорее!)

Я смотрю и вижу, как со стороны солнца появляется она, мой добрый гений, в сопровождении целой когорты серафимов, архангелов и ангелов. Она приближается ко мне с сияющей улыбкой. Однако, не дойдя нескольких шагов, останавливается, и следом за ней – ее свита. Окружающее ее сияние не мешает мне заметить, что, когда она открывает рот, чтобы заговорить со мной, я не слышу ее голоса и не могу разобрать ни единого слова – словно прочное, но невидимое стекло стоит

между нею и мной. Кажется, я снова готова от бессилия упасть на землю. Но сейчас я не вижу ни малейшего цветочного кустика – только абсолютно гладкие стебли белых лилий. Если все дело в словах, мне не хватает сказочного «Сезам, откройся!» для того, чтобы разбить стекло. Мне остается лишь мучиться от бессилия. Поэтому мой добрый гений, видя беспорядочные, и, вне всякого сомнения, комические движения, которые я совершаю, пытаясь к ней пробиться, начинает смеяться и наконец хватается за бока от хохота. Лучшее, что я могу сделать, чтобы ответить ей – это обратиться к Манастабаль, моей проводнице, с такими словами:

(Манастабаль, моя проводница, раз уж я не могу говорить с ангелами, я смогла по крайней мере их рассмешить.)

XXVII

Тир

Вместо домов здесь ярмарочные балаганчики, в каждом из которых – тир. Осужденные души выставлены как мишени, голые по пояс. Я вижу их издалека, приближаясь по главной улице вместе с Манастабаль, моей проводницей. В глазах у меня темнеет от гнева и боли, и сперва я различаю лишь их застывшие улыбки и неестественные позы. Вскоре, однако, неровности на их коже, а также родинки и даже прыщи убеждают меня в том, что это не манекены, а живые люди. И когда я наконец решаюсь перевести взгляд с их лиц чуть ниже, глаза мои едва не вылезают из орбит. У несчастных раскрыты грудные клетки и выломаны ребра, а бьющиеся сердца и есть главные цели для стрельбы. Они стоят не шевелясь, слегка согнув в колене одну ногу и опираясь на другую, и лишь едва заметно вздрагивают, когда пуля, стрела или нож вонзаются им в грудь.

У некоторых улыбки постепенно сменяются гримасами боли, а многочисленные раны заставляют вспомнить о семи скорбях Богородицы. Тем не менее они держатся на почти прямых ногах, а их руки, даже не пытаясь защитить грудную клетку, бессильно свисают вдоль тела. Держу пари, они в своей любезности доходят до того, что продолжают стоять, согнувшись, но все еще сохраняя подобие улыбки на искаженных страданием лицах, даже после смерти. Прежде чем Манастабаль, моя проводница, успевает остановить меня, я бросаюсь к ближайшему балаганчику. При мне только ружье, и я не могу стрелять без разбору. Поэтому я размахиваю прикладом направо и налево, прокладывая себе путь к тиру. Я перепрыгиваю через стойку, не обращая внимания на окрики Манастабаль, моей проводницы. Но, оказавшись там, я не знаю, что делать. Кажется, осужденные души только и ждали меня, чтобы позволить своим напряженным мускулам расслабиться, потому что они все разом падают мне на руки. Большинство испускают предсмертные хрипы. Когда Манастабаль, моя проводница, наконец пробивается ко мне, я пытаюсь обеими руками поддержать осужденные души, оседающие на пол. Манастабаль, моя проводница, кричит:

(Ты ничего не сможешь сделать для них – видишь, они все мертвы или при смерти. Но ты погубишь нас обоих своим безрассудством!)

И в самом деле, посетители тира, не считая тех, кому я разбила головы прикладом, приходят в бешенство, оставшись без мишеней – они считают, что их обокрали. С помощью подкрепления из соседних тиров они собираются штурмовать стойку, позади которой стоим мы в окружении мертвых и умирающих. Еще ни разу во время нисхождений в ад мы с Манастабаль, моей проводницей, не оказывались в столь опасном положении. Я прошу у нее прощения и готовлюсь к отпору, когда она, чтобы дать нам возможность бегства, швыряет горсть пороха в глаза

противникам. Мы скрываемся за толпой осужденных душ – некоторые еще держатся на ногах, другие грудой лежат на полу – и сквозь разрез в брезентовом пологе балаганчика выскальзываем наружу, никем не замеченные. Гораздо позже, когда нас отделяет от ярмарки уже достаточное расстояние, Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Держу пари, не окажись меня там, ты бы набросилась на них, одна против сотни. Ты разве не знаешь, что в некоторых случаях бегство – наилучшая добродетель?)

И когда я спрашиваю ее, часто ли нам еще придется убежать в течение нашего путешествия, она отвечает:

(Ну еще бы – каждый раз, когда ничего другого не останется.)

XXVIII

Парад 2

В самый разгар дня мы идем по городским улицам. Иногда в просветах между высокими строениями виднеется море. Все остальные люди, кажется, следуют к той же цели, что и Манастабаль, моя проводница. Но мне неизвестно, что это за цель, пока она не говорит:

(Приготовься, Виттиг, увидеть главную часть представления – то, что мы видели, было лишь прелюдией.)

При этих словах у меня внутри все сжимается, солнечное сплетение словно завязывается в узел. Я замечаю, что у большинства окружающих головы обмотаны шарфами, концы которых закрывают лица. Другие закутаны в плащи, и на лица опущены капюшоны. Когда мы подходим к мэрии, толпа становится более плотной, и оказывается, что Манастабаль, моя проводница, и я – единственные, у кого лица открыты. Сегодня здесь не

видно ни флажков, ни разноцветных лампочек, ни цветочных гирлянд, ни бумажных фонариков, ни конфетти. Ожидание длится недолго, как если бы власти отвели на парад совсем мало времени. Гремят большие и малые барабаны, и вот мы видим, как приближается – держите меня! – то, чего я никогда не видела воочию, хотя и знала, что подобное существует. Осужденные души, у которых отрезаны ноги, идут на перевязанных обрубках впереди процессии, поскольку именно от них зависит ее скорость. У других перерезаны ахиллесовы сухожилия, и они вынуждены ползти. За ними следуют те, у которых ноги, кажется, не повреждены – они идут обычным шагом. Но у них ампутированы пальцы рук, кроме больших и указательных – очевидно, чтобы они оставались пригодными к труду. Манастабаль, моя проводница, шиплет меня, потому что я уже на грани обморока, и моим вылезшим из орбит глазам достаточно лишь небольшого усилия, чтобы упасть на землю. Тем не менее, процессия продолжает двигаться под грохот барабанов и тамтамов. Время от времени воздух разрезает резкий звук трубы. Сейчас мимо проходят те, чьи губы изуродованы вставленными деревянными дисками. Их сменяют осужденные души, чьи шеи вытянуты с помощью примыкающих друг к другу ошейников, от которых они не могут избавиться, не задев позвоночника и спинного мозга. Очевидно, что подобное шествие может двигаться лишь очень медленно. Однако грохот барабанов и тамтамов усиливается, и повелительные голоса из громкоговорителей торопят несчастных. Те, вопреки усилиям, которые они совершают, чтобы не наткнуться на идущих впереди, все же сталкиваются с ними, что приводит к сутолоке. Но большого вреда от этого нет, потому что их не сразу догоняют те, кто идет следом. Они движутся медленно, поддерживая обеими руками печень, свисающую у них из-под ребер, раздутую от непомерного чревоугодия. Время от времени кто-то останавливается, чтобы извергнуть изо рта струю зеленой желчи. У следующих сильно зажужены

тали с помощью расшитых жемчугом поясов или подобия корсетов, охватывающих тело от пояса до подмышек и сдавливающих ребра и грудную клетку. Эти участницы, кажется, находятся в привилегированном положении, хотя можно заметить, что большинство из них задыхаются, хрипят и падают в обморок. Видя это, я достаю флакон с эфиром, переданный мне моим добрым гением как лекарство для чрезвычайных случаев, и собираюсь бежать к ним на помощь, стряхнув с себя оцепенение, в котором пребываю с начала парада. Но прежде чем я успеваю привести в исполнение свой замысел, Манастабаль, моя проводница, заставляет меня немедленно спрятать драгоценный флакон и указывает мне на ближайших к нам зрителей. По обе стороны шествия тесными рядами стоят фигуры в белых балахонах с капюшонами, полностью закрывающими лица, с прорезями для глаз. Из-под балахонов высовываются стволы автоматов. Когда я встречаюсь с кем-то из этих людей взглядом, никто не отводит глаз, и тщетно я сжимаю висящий у меня на поясе лазерный пистолет Манастабаль, моей проводницы, – я не смогу воспользоваться им из-за большого скопления народа. Я чувствую слабость в ногах и поспешно отступаю назад, чтобы меня не растоптали. Теперь, с некоторого отдаления, я вижу конец процессии. Там движутся фигуры, невероятно раскормленные или, быть может, беременные – они проходят, волоча свои громадные животы, чьи размеры совершенно не соответствуют их телам; особенно разителен этот контраст у маленьких девочек. Дальше, согласно разделению по различным видам уродств, следуют многочисленные ряды тех, кто может пожаловаться лишь на отсутствие клитора; тех, кто вдобавок лишен больших и малых половых губ и всей остальной плоти, закрывающей влажлище, так что на ее месте – лишь несколько грубых стежков, зашивших эти вторые уста, из которых предварительно вырезали губы и язык. Манастабаль, моя проводница, быстро приближается, чтобы поднять меня, потому что я не выдерживаю и

падаю на обочину дороги, зарываясь лицом в землю и сосновые иглы. Она сурово произносит:

(Можно подумать, Виттиг, ты страдаешь больше чем они!)

Но ноги отказываются меня держать, позвоночник утрачивает твердость. Слезы душат меня, и я едва могу вымолвить:

(Какое ужасное зрелище, о Манастабаль, моя проводница! Зачем все это?)

Она отвечает:

(Знай, что время душевных страданий еще не настало, и всему свой час. Постарайся же ограничиться лишь почтением к тем несчастьям, что выпали на долю этих осужденных душ, для которых твоя скорбь – только лишнее оскорбление.)

Она хватает меня под мышки и ставит на ноги. Не в силах поднять глаза, я продолжаю смотреть на темно-серый асфальт, и мельчайшие шероховатости на нем предстают передо мной словно крупным планом. Должно быть, для этого парада опустили все городские больницы, а если каким-то образом удалось заставить мертвецов идти – то наверняка и морги, потому что очередные участники шествия выглядят лишь подобием живых людей. У некоторых – лишь обычные синяки, кровоподтеки, фонари под глазами. У других – повязки на месте отрезанных носов. У некоторых руки и ноги в гипсе, и они передвигаются на костылях. У кого-то – разрывы внутренних органов, сонных артерий, пулевые и ножевые ранения, раздавленные и искореженные грудные клетки. Грохот барабанов и тамтамов теперь раздается на всю округу, движется вместе с парадом, изредка прерываемый резкими звуками трубы. Осужденные души проходят в глубоком молчании, и даже те, кто испытывает величайшие физические страдания, не издают ни единого стога – они движутся, словно окаменев. Именно это – самое страшное, и я бы тысячу раз предпочла глухой ропот, стоявший на центральном вокзале, или самые ужасные вопли в последнем кругу ада. На что Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Но это *и есть* последний круг ада, крайний предел существования, которое поддерживается здесь одной лишь упорной силой, той, что Декарт называл животным началом. Не этим ли стоит тебе больше всего восхищаться?)

Судорога сжимает мне горло, и я не могу отвечать. Впрочем, парад окончен, и за последними участницами устремляется толпа в белых балахонах с капюшонами. Они по пятам преследуют отстающих, подгоняя их пинками, ударами хлыстов и воплями ненависти.

XXIX

Ахерон 2

Когда мы удаляемся от берега, Манастабаль, моя проводница, передает мне весла, а сама становится на нос лодки. Мы плывем по реке Ахерон, куда Манастабаль, моя проводница, привела меня, чтобы я искупалась. Итак, я принимаюсь грести, стараясь делать это как можно лучше, хотя гребля и не является моим любимым видом спорта. Но едва лишь я успеваю сделать несколько взмахов, как над рекой поднимаются клубы оранжевого тумана. Они так сильно сгущаются вокруг лодки, что сквозь них ничего не видно. И даже лицо Манастабаль, моей проводницы, завлакивается туманом. Я едва различаю его, хотя и слышу, что она кричит мне какую-то повторяющуюся фразу. Однако напрасно – я не могу понять ни слова, потому что туман, который я вдыхаю, словно ударяет мне в голову и внезапно заставляет меня забыть, кто я, где я и с кем, и что собираюсь делать. Меня охватывает неистовый восторг, и телу становится так легко, что я орудую веслами без всяких усилий. Теперь лодка быстро движется как будто сквозь груды сырого хлопка, и я даже не знаю, в каком направлении. Помимо того, что я ничего

не вижу, у меня пропадают и все остальные ощущения – я лишь чувствую близость воды. Я не слышу, как погружаются в воду весла – кажется, они рассекают лишь туман – и вдруг меня резко отбрасывает назад, я выпускаю весла и в следующий миг уже лежу, оглушенная, на дне лодки. Я даже не успеваю подняться, протестуяще закричать или что-нибудь спросить, когда лодку сильно встряхивает, и она начинает кружиться на месте, как волчок. И тут я слышу голос:

(Спасайся кто может, Виттиг! Нырять!)

Но, поскольку вращение усиливается, я начинаю испытывать тошноту и головокружение и по-прежнему остаюсь на дне лодки, которая, не прекращая крутиться, все быстрее движется вперед. Однако через какое-то время ее скорость уменьшается, она перестает крутиться и вскоре замирает на месте. Воспользовавшись этим, я встаю и оглядываюсь. Но передышка длится недолго. Лодка, словно живая, начинает двигаться по собственной воле, меняет направление и мчитя, слегка накренившись, в сторону небольшого скалистого островка, едва видимого за густой завесой тумана. И вот слышится громкий треск ломающегося дерева, гвозди выскакивают из обшивки, доски одна за другой разлетаются в разные стороны и исчезают из виду. Я с головой погружаюсь в воду, и, кажется, опускаюсь на самое дно. Но точно я в этом не уверена, потому что в следующий миг, в придачу к потере памяти, я лишаюсь сознания. Однако мне приходится очнуться – если не от боли, вызванной ссадинами, синяками и ушибами, то от голоса Манастабаль, моей проводницы. Она говорит:

(На этот раз, Виттиг, я уж подумала, что мне не удастся тебя вытащить. Чуть не захлебнулась! Постарайся изобразить более теплые чувства, потому что тебе бы стоило поставить за меня хорошую свечку! Если бы ты следовала моим советам, ничего подобного не случилось бы.)

Я лежу на песчаном берегу, растянувшись во весь рост, не в силах шевельнуться, и благодарю Манастабаль, мою проводницу,

за спасение. Когда я прошу ее объяснить, почему разбилась лодка и как она сама оказалась в этом неизвестном мне месте, она отвечает:

(Забыла, как я кричала тебе: ныряй? Что до меня, я нырнула. И очень хорошо сделала, потому что, вместо того чтобы следовать по прямой, ты каким-то образом направила лодку на остров, где мы сейчас находимся. Эти скалы представляют собой груды оксида железа, который, как ты знаешь, обладает магнитными свойствами, и его здесь столько, что он может вытягивать гвозди из лодки, корабля или любого другого сооружения, оказавшегося в зоне его действия. Я-то успела выскочить раньше.)

XXX

Большая раздача

По дороге к дворцу, где состоится большая раздача, мы видим какую-то несчастную осужденную душу, которую уже оспаривают друг у друга соперники. Я набрасываюсь на них, размахивая лазерным пистолетом, который дала мне Манастабаль, моя проводница, и они обращаются в бегство, оставив свою добычу на мостовой – оглушенную, неподвижную, но невредимую. То же самое происходит у входа в главный дворцовый зал, и затем повторяется все чаще и чаще, по мере того как громкоговоритель объявляет новые имена, в невероятном хаосе и сутолоке, потому что, не успеваешь закончиться одна драка, как уже начинается другая, и так далее. Соперники разбиваются по двое, по трое и иногда даже по четверо, чтобы на этой раздаче урвать побольше от осужденной падшей души, поскольку она одна на всех. И если бы ее забрал кто-то один, это было бы наименьшим злом – но они тянут ее в разные стороны, каждый к себе, кто за руки, кто за ноги, кто за прочие части тела. Когда рвутся сплетения сосудов и нервов, раздаются ужасные вопли, которые,

кажется, не может издавать человеческая гортань и от которых у меня кровь стынет в жилах. Я бросаюсь вперед, выхватываю лазерный пистолет, который дала мне Манастабаль, моя проводница, и поражаю дерущихся одного за другим, крича:

(Что же вы не отрываете им головы с самого начала? На пути к цели вы не выбираете средств! Есть ли такие, к которым вы не осмелитесь прибегнуть? Вы заслуживаете смерти, ибо я уже давно знаю, на что вы способны!)

Когда Манастабаль, моя проводница, в гуще суматохи обхватывает меня и пытается удержать, я кричу ей:

(Только не говори, что собираешься увести меня отсюда! Ах, я уже не прошу меня спасти, потому что не уйду, пока не перестреляю всех до единого!)

Лазерное оружие хорошо тем, что действует с одинаковой эффективностью как шпага, пистолет, ружье и даже автомат. В данном случае я могу поражать противников одного за другим, не задевая их жертв, и с такой скоростью, что никто из находящихся в зале не успевает вовремя отреагировать. Правда, гнев ослепляет меня, и быстрота и спонтанность моих движений иногда мешают попасть в цель. Но противники окаменели от ужаса, и ни один даже не мыслит о сопротивлении. Окажись на моем месте ангел-истребитель из пророчества о Страшном суде, это вряд ли произвело бы более сильный эффект, потому что, хотя мне и недостает ангельских атрибутов, я уничтожаю всех, кто встречается на моем пути, и за одну-две минуты устанавливаю рекорд библейской убийности. И поскольку я уже близка к завершению своей миссии, меня охватывает ликование, и я пою хвалу современному оружию, дающему подобную силу одному против многих. Манастабаль, моя проводница, прерывая мою победную песнь, указывает мне на жертв устроенной мной бойни. Большинство из них в плачевном состоянии. У некоторых словно бритвой перерезаны сонные артерии. Некоторые лишились всех зубов. У иных конечности свисают как веревки. Многие валяются без сознания.

Во всяком случае, я жалею, что не взяла с собой беруши – они бы заглушили раздающиеся вокруг стоны. Если бы я могла выбирать, то предпочла бы услышать проклятия, потому что от этих стонов меня охватывает слабость, и ноги подкашиваются. Манастабаль, моя проводница, приходит к ним на помощь вместе с теми, кто не пострадал в схватке. Прежде всего нужно унести живых и сделать для них все необходимое, а потом уже заняться трупами. Несмотря на окружающую суматоху, я останавливаю первую встречную, чтобы спросить у нее, что это за аттракцион – большая раздача, где резкий запах крови заменил аромат мучных лепешек, привычный мне по ярмарочным увеселениям былых времен. Спрошенная удивляется и говорит:

(Чужестранка, ты можешь освободить меня в мгновение ока. Скажи честно: ты и вправду не знаешь, что такое большая раздача?)

И когда я заверяю ее, что мне ни о чем неизвестно, она в исступлении бросается на землю, крича:

(О, лучше бы ты не говорила этого, божественная, ибо я сейчас умру от радости!)

Но вместо этого она вскакивает на ноги и начинает танцевать, пытаясь увлечь и меня за собой. Я не нахожу в себе сил погасить ее радость, указав на громоздящиеся повсюду тела, многие из которых неподвижны. Я уже отворачиваюсь, чтобы присоединиться к спасателям, когда она еле слышно начинает рассказывать:

(Коротко говоря, большая раздача – это система, по которой нас распределяют, поэтому я и оказалась здесь. Видишь в том конце зала высокое кресло и стол? Пока ты не вмешалась со своим лазерным оружием, там сидел судья и, ударяя в гонг, объявлял в громкоговоритель имя каждой выигранной жертвы и победителя, которому она присуждается. У выхода стояли грузовики, к бортам которых приковывали жертв – именно так их отсюда забирали.)

Но я перебиваю ее и спрашиваю, что делают с жертвами после раздачи. Она смотрит на меня и, кажется, сомневается – не шучу ли я. Но мой статус чужеземки рассеивает ее сомнения, и она со смехом отвечает:

(Еще никогда я не встречала такого абсолютного неведения! И в тот самый день, когда я пришла на раздачу!.. Надо ли тебе знать, что произошло бы со мной после? В том мире, откуда ты пришла, формы рабства наверняка не слишком отличаются от здешних, и регулярное подавление желаний тела – это, как тебе известно, одно из наихудших наказаний. Когда ты еще ребенок, и тебе нравится бегать, приходится учиться сидеть смирно, не шевелиться, обуздывать свои ноги и руки. Как видишь, сопротивление совершенно невозможно. Но несмотря на это – веришь ли? – в предосторожностях нет недостатка. Многие владельцы душ полагают за лучшее перерезать жертвам ахиллесово сухожилие, чтобы те не смогли убежать. Отсюда пословица: на бога надейся, а сам не плошай.)

Я не могу удержаться, чтобы не воскликнуть:

(Но ведь большинство из вас, наверно, умирают после раздачи!)

Она говорит:

(Тех, кого не забирают достаточно быстро, приканчивают на месте. Никто даже не берет на себя труд убрать тела. Что до остальных, их бьют, чтобы заставить подняться. Я полагаю, ущерб не столь велик, чтобы пожертвовать ради него чисто спортивным удовольствием. Но скажи мне, чужестранка, что в твоём мире служит спортивным удовольствием?)

Я молчу, не зная, что ответить. Тогда она говорит:

(Прошу тебя, чужестранка, возьми меня с собой! Я быстро обучаюсь!)

При других обстоятельствах я бы посмеялась в ответ на такую просьбу. Вместо этого я, как святой Мартин, разделяю с

ней мою накидку и спрашиваю, слышала ли она о лесбиянках. Она восклицает:

(Чужестранка, да ты, я вижу, смеешься надо мной! К этим чудовищам, у которых шерсть по всему телу и панцирь на груди, отправляют тех непокорных, которые не поддаются перевоспитанию. Но куда именно, я не знаю.)

И когда я в глубоком изумлении спрашиваю ее, что потом происходит со ссыльными, она без колебаний отвечает:

(Ну, об этом много не говорят, но их либо разрывают на части голодные лесбиянки, либо у них самих вырастает шерсть и панцирь. Однако больше я ничего не знаю. Уверяю тебя, чужестранка, я бы не пошла на большую раздачу, если бы у меня была хоть малейшая надежда остаться живой среди этих монстров.)

Я не замечаю ей, что уже в самой идее добровольно отправиться на большую раздачу присутствует некая ирония судьбы – даже умирающие жертвы верят, что они сами выбрали такую участь. Вместо этого я говорю:

(Что ж, тогда тебе не повезло – моя работа завершена наилучшим образом, и я возвращаюсь к этим самым монстрам.)

Она была права, говоря, что быстро обучается – она сразу же заявляет:

(Тогда покажи мне твою шерсть и панцирь, чтобы я могла убедиться в этом наверняка.)

Не удержавшись, я говорю, что, когда я на службе, их не видно. И стягиваю с плеч блузку, чтобы она увидела мою кожу.

(Суди сама.)

Кажется, она не верит своим глазам, потому что обеими руками осторожно ощупывает мои плечи, руки и грудь. Когда она собирается продолжить исследование, я останавливаю ее:

(Нет, здесь не трогай! Ты уже достаточно увидела. Что теперь скажешь?)

Она не убирает руки и просит:

(Позволь мне хотя бы посмотреть на твой клитор, пусть даже не вблизи. Потому что, говорят, это главная деталь, по которой можно отличить лесбиянку.)

Появление Манастабаль, моей проводницы, выводит меня из замешательства. Она, сразу переходя к делу, обращается к моей не в меру любопытной собеседнице с такими словами:

(Хватит с тебя. Особый клитор только у тех, у кого есть шерсть и панцирь.)

Я следую за ней вдоль вереницы спасенных душ, бросив напоследок:

(Единственная правда во всем, что ты слышала – это то, что нам действительно нечего есть. Но не бойся – ты не будешь голодать сильнее, чем голодала бы у своего хозяина, который, чтобы заставить тебя истекать слюной, нарочно обжирался бы у тебя на глазах.)

Повсюду разложены носилки, на которые кладут тех спасенных, кто не может идти. Несут их поочередно. Мы вереницей движемся к пустыне под палящим солнцем, которое все еще держится высоко в небе.

XXXI

Лимб 4

(Одна лишь деятельная страсть, Виттиг, приводит в это место, хотя слов для ее обозначения не существует. Обычно ее называют состраданием. Но для того, о чем я говорю, это слово не годится. Потому что эта страсть кипит, бурлит, воспламеняется, взрывается, хлещет через край, увлекая за собой все – как и та, которая является лишь ее подобием. Ей присущи то же самое напряжение и то же неистовство. Страсть, которая приводит в это место, так же как и та, другая, ослабляет руки, сбивает с ног,

завязывает узлом солнечное сплетение, вызывает тошноту, грызет и опускает кишки, затуманивает глаза и закладывает уши. Но, так же как и та, другая, она дает рукам силу, чтобы драться, ногам – чтобы бежать, устам – чтобы говорить и уму – чтобы мыслить. Она развивает мускулы, заставляет учиться владеть оружием и различными ремеслами, меняет форму тела. И если бы не эта деятельная страсть, Виттиг, что бы оставалось делать в этом проклятом месте, кто смог бы надолго здесь остаться? Ты часто спрашивала меня о моем назначении – теперь ты видишь, в чем оно заключается.)

Так сказала мне Манастабаль, моя проводница, сидя за столиком кафе возле длинной стойки бара. Я сижу рядом с ней, пью текилу и наслаждаюсь, глядя на танцующих – потому что только здесь, во время короткого отдыха, можно на время забыть о преисподней. Здесь чистилище – хвала тем, кто его придумал! – место, где становишься собой и где за тобой не наблюдают каждое мгновение. Это еще не рай, но, не будь его, ад распространил бы и сюда свои владения, и по одному этому можно судить, насколько такое убежище необходимо и ценно, и в то же время одиноко и непрочно. И вот что я отвечаю Манастабаль, моей проводнице:

(Прежде всего я хотела бы, чтобы деятельная страсть дала моим ногам силу бежать – такую, которая позволила бы осилить марафонскую дистанцию. Она ведь уже преодолена теми, кто сейчас здесь – странниками и беглянками? Если нужно бежать дальше, так побежали!)

Она говорит:

(Откуда такая мысль, Виттиг? Думаешь, нужно будет форсировать Миссисипи, чтобы освободиться? Мы бежим быстро, но движемся по кругу. Мы не можем преодолеть большое расстояние, потому что нечего преодолевать.)

Тогда я говорю:

(Ах, Манастабаль, моя проводница! Стало быть, нескоро мы окажемся в раю!)

Одна из танцующих, которая давно поглядывает на нас, подходит к нашему столику и приглашает Манастабаль, мою проводницу, потанцевать. Мне представляется совершенно невероятным, что она отправится на танцпол. И она, с мягкостью Вергилия, готового уступить любому юному отроку, говорит, что ей очень жаль, но она вынуждена отказаться. Я молча поражаюсь такому неожиданному проявлению деятельной страсти. И Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Ты ведь не хотела бы, Виттиг, чтобы я послала ее к черту? Впрочем, ты могла бы заметить, что отношения, которые сложились у нас во время путешествия с душами чистилища, были основаны на чистой вежливости. Мы пересекались с ними по пути. Мы едва их знали. Мы мало с ними разговаривали. Потом снова расходились.)

Меня вновь охватывает беспокойство:

(А ты уверена, что мы оттуда вернемся?)

XXXII

Рай 5

Ангелы наконец разбили стеклянную стену, и теперь их так же хорошо слышно, как и видно. Уши, до сих пор словно залепленные воском, открылись. Мягкий ветерок шечочет их, в них вливается торжествующее ангельское пение. Небесные голоса поют хвалу шлюхам. Расхаживая туда-сюда по перекидным мостикам, соединяющим рай с чистилищем, можно различить стоящих вперемешку херувимов, серафимов, архангелов и вестников обоих миров. Оперный речитатив переходит от арий к дуэтам, трио и хоралам, наполняясь всевозможными вариациями. Сначала поочередно, затем все вместе голоса повторяют одну и ту же тему, обращаясь к новоприбывшей из чистилища и приглашая ее

вступить в хор. И вот Манастабаль, мою проводницу, переносит к сцене высокого роста ангел с мускулистыми руками и плечами, в то время как мой херувим увлекает меня за собой к своему краю сцены, совершая головокружительные прыжки. Отсюда видны обитательницы чистилища – мафиози с револьверами на поясе, чьи торсы обтянуты черной кожей, налетчицы, бандитки, преступницы – каждую сопровождает ее ангел-хранитель. Повсюду яркие вспышки света – солнце сияет с запада и с востока одновременно. Я замечаю Азраиля, сияющего ангела смерти, во главе когорты спасшихся из преисподней. Я вижу рядом с ним Аполлиона и Абаддона, ангелов бездны. Кроме того, я вижу Задкиила, Уриила, Михаила, Самуила, Рафаила, Иофила, Абдиила. Спасшиеся из преисподней и обитательницы чистилища вплетают свои голоса в хоралы, отвечая на песнь, обращенную к ним. Все музыкальные инструменты современные – перкуссии, трубы, саксофоны. Голоса, порой подолгу держа высокие ноты, переходят от самого пронзительного звучания к самым низким вокализам. Они глухо рокочут или воспаряют, как грегорианское пение. Никому не заказан путь в небесный город, и вот почему все песни пронизаны радостью. Озаренные светом, в одно мгновение преображенные, новоприбывшие смешиваются с толпой сияющих ангелов, и даже их голоса теперь труднее различить. В финале оперы конные ангелы взлетают, как метеоры, и гарцуют над сценой, трубя в свои трубы и поворачиваясь во все стороны в седлах – словно парфяне, выпускающие при отступлении стрелы.

XXXIII

Башня любви

В этом глухом углу преисподней еще только стужается ночь, когда Манастабаль, моя проводница, заставляет меня войти в

убежище, которое здесь зовется башней любви. Поэтому мои глаза, ослепленные светом, не сразу различают, что вокруг. У меня на поясе висит кнут с коротким кнутовищем и единственным кожаным ремнем, который Манастабаль, моя проводница, дала мне со словами:

(Он тебе понадобится там, куда мы пойдем. Пускай его в ход, не раздумывая, потому что я буду там лишь простым наблюдателем.)

Хотя мне уже доводилось пользоваться кнутом – особенно после того, как я увидела несравненную Аннабель Ли, с таким умением и изяществом орудующую своим в ярмарочном балагане, – я чувствую себя неловко, потому что мне пока неизвестно, для чего он предназначен. И я счастлива этим незнанием, поскольку ужасы преисподней превосходят один другой, и каждый, увиденный последним, кажется, уже не будет превзойден. Манастабаль, моя проводница, кладет мне руку на плечо, и в тот же миг я резко застываю на месте – я вижу, что в преисподней называют любовными упражнениями. Меня больше не удивляет, что это выражение уже почти предано забвению. Бедные души стоят обнаженными. Я не знаю, что с ними делали, но они неподвижны, как куклы, набитые опилками – их руки и ноги бессильно вытянуты, головы свешены набок. Повернувшись к Манастабаль, моей проводнице, я кричу ей:

(Зачем ты меня сюда привела? Они же полутрупы! Мне что, придется осмотреть все покойницкие, какие только есть в этом чертовом бардаке?)

На это она отвечает:

(Да, это покойницкая, ты права. Но посмотри хорошенько – они еще живы.)

В самом деле, они живы. Одна за другой они вздыхают, шевелят руками и ногами, приподнимаются, поправляют волосы, одна из них – отвратительное зрелище! – даже зевает. Да, они двигаются, подают слабые признаки жизни – они, лежавшие,

словно обломки тел, сложенные один к другому, как фарфоровые китайские вазы с одним отверстием наверху и двумя – внизу, повернутые лицом вверх или вниз, покрытые ранами, избитые до полусмерти. Глаза у меня вылезают из орбит, их застилает красная, потом желтая пелена, с губ стекает струйка слюны – и если бы Манастабаль, моя проводница, не сжимала с силой мое плечо, я бы рассыпалась на куски. Мне ужасно жаль, что у моего кнута только один ремень. Но я тут же принимаюсь изо всех сил хлестать врагов любви, осыпая их проклятьями:

(Вон отсюда, враги любви, отправляйтесь трясти своими причиндалами куда-нибудь еще и освободите башню от своего присутствия, ибо вы обременяете ее, как ваши причиндалы обременяют вас – и вы не уходите, опасаясь, что вам будет некуда их засовывать, хоть и суете их в любое место, которое кажется вам подходящим – даже в выдвижной ящик стола. Я слышала, как кто-то хвастался этим, как великим подвигом.)

Говоря это, я размахиваю кнутом налево и направо, вперед и назад, кручу им над головой, хлещу их без разбора по спинам и ягодицам. Вскоре я покрываюсь потом, но, несмотря на это, жестокость моя только удваивается, когда враги любви под градом ударов впадают в панику и пытаются убежать – их члены болтаются между ног, яйца подпрыгивают. Я преследую их, не пытающихся сопротивляться, и после того как ударами кнута сгоняю их в стадо, хлещу всех разом, с одного удара задевая многих. Некоторые, получив кнутом по самым уязвимым частям тела, сгибаются пополам и валятся на пол, прижав колени к животу. Я хлещу с таким остервенением, что рассекаю их кожу, обнажая мускулы и даже кости. Моя задача – всего лишь выгнать их из башни любви, говорят они. Если бы я должна была их кастрировать, то мне дали бы не кнут, а мясницкий тесак. Но Сафо не понравилось бы, что я тружусь для ее вящей славы таким образом. Гоня их перед собой ударами кнута и кнутовища, я продолжаю свою обвинительную речь:

(Что есть любовь для вашего осязания? Для вас все сосредоточено в набалдашнике мясной палки, чья основная деятельность – механическое движение поршня. По-вашему, осязать – это втыкаться, вонзаться, проталкиваться, шуровать – все эти жалкие движения вы называете любовью. Что представляет собой она для вашего зрения? Не мгновенно вспыхнувший взгляд, а расслабленно отдыхающий на распростертой плоти, раболепной и неподвижной. О плотских наслаждениях вы знаете всё. То же самое и с вашим слухом – наиболее сильное удовольствие заключается для вас в стогах, жалобах, криках и воплях. Обоняние и вкус у вас утрачены. И тем лучше, потому что над тем, что еще осталось, я, лесбиянка, могу только смеяться.)

Я сопровождаю свои речи размашистыми ударами кнута, обхватывая им члены и подтягивая их к себе, что заставляет их обладателей с воплями бросаться на землю. Мой кнут также обхватывает их за пояс, и конец кожаного ремня при этом ударяет их по непристойно пухлым ягодицам. Все это время Манастабаль, моя проводница, держится на расстоянии. Она стоит неподвижно, скрестив руки на груди и приподняв плечи. Глаза у нее блестят, на губах – легкая улыбка. Меня теперь окружают сваленные грудями тела – одни изуродованы ударами кнута, другие оглушены кнутовищем. Большинство готово просить пощады. Что до спасенных, то половина из них застыла от удивления. Только одна подбадривает меня криками и смехом, глядя на устроенное мною представление. Остальные тупо смотрят на меня, некоторые закрывают лица руками, другие прячутся за мебелью. Но когда наконец я пинками выгоняю врагов любви из башни через дверь, которую Манастабаль, моя проводница, держит открытой, торжественно возвышаясь у порога с лазерным пистолетом в руке – этаким архангел-страж у дверей земного рая – и когда они все оказываются на улице, я слышу у себя за спиной протестующие крики и оскорбления:

(Что это за цирк? Ты что, вообразила себя королевой Викторией? Отправляйся воевать вместе с бойцами Кастро – то-то они посмеются! – или играть в Зорро, это как раз по тебе! Спешу на помощь маленьким детишкам, ставшим жертвами совращения! Думаешь, я не знаю, чем занимаюсь? Это называется торговать своими прелестями. И уж поверь, гораздо лучше торговать своими прелестями, чем упиваться горестями – а это и ждало бы меня, откажись я от своего занятия! Спасибо за твою морализаторскую проповедь о любви, но, что бы ты ни говорила, это – моя работа. И я думаю, что все, кого пронзают, протыкают, дрючат, покрывают бесплатно, – штрейкбрехеры и позорят нашу работу самым бессовестным образом. Благодаря либеральным, клерикальным, просветительским и черт знает каким еще проповедям все больше и больше женщин готовы заниматься этим бесплатно, тормозя социальный прогресс, всецело уверенные, что действуют во имя свободы. А ты, Виттиг, не делаешь ничего, чтобы упорядочить положение вещей, ибо как тайный агент мировой лесбийской заразы, ты бьешь все рекорды – ты, устроившая порку в башне любви! Знаешь, во сколько это тебе обойдется?)

XXXIV

Драконы

Дракон не попал бы в эту историю, будь он один – но их тысячи. У драконов желтые глаза, белые щеки, серые пасти; языки свисают наружу, и по ним течет слюна. На висках у них рога, похожие на козьи. У них длинные клыки, а пасти время от времени изрыгают пламя. Тело покрыто грубой шерстью, походка неуклюжая, а шипение напоминает смех. Разумеется, их можно встретить в пустыне, там, где стелятся волны песка, гонимые ветром, – но отнюдь не в качестве союзников. Они привязаны к

этому месту как раз по той причине, что здесь постоянно встречаются путники, бредущие в разных направлениях. Шкура драконов почти того же цвета, что и песок, поэтому они почти незаметны, если не двигаются. И в самом деле, они могут оставаться неподвижными, как камни, целый день, если нужно. Но стоит появиться одинокой осужденной душе, отбившейся от остальных, драконы тут же набрасываются на нее и пожирают. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Во все времена нужно было сражаться с драконами. И даже сейчас нет средств, чтобы от них избавиться.)

И это верно – каждый миг нужно быть готовой к тому, чтобы превратиться в Святого Георгия – облачиться в черную сверкающую броню и вступить в битву с драконами. Случается, что неосторожных жертв приходится *in extremis* вытаскивать прямо из драконьей пасти, и порой у них уже нет руки или ноги – на зуб дракону лучше не попадаться. Еще против драконов у меня есть автомат, но их число все равно постоянно растет. На двоих убитых вырастает двадцать новых. Драконы в основном подстерегают тех, кто бежит из преисподней в чистилище, потому что от них не ускользает ни одно колебание воздуха, ни одно движение на этом пути. Там останавливаются некоторые беглянки, не решаясь покинуть ад из страха перед худшим (худшим?). Они разбивают палатки, жгут костры и проводят ночь, жаря каштаны и попивая вино. Как только стемнеет, драконы нападают на эти хрупкие укрепления и устраивают настоящую бойню, потому что осужденные души пришли с пустыми руками, без оружия. Наевшись до отвала, чудовища собираются у костров и в изнеможении падают на песок. Их морды в крови. Сейчас их можно было бы уничтожить без труда – но слишком поздно, их желудки набиты незадачливыми путешественницами. Вот почему каждую ночь раздаются сигналы тревоги – сквозь туман доносятся звуки многочисленных рожков, которые повторяются через равные промежутки времени. Каждую ночь

дозорные, среди которых и Манастабаль, моя проводница, патрулируют дорогу из преисподней в чистилище, сжимая в руках электрические фонарики и свистя в сигнальные рожки.

XXXV

Избитые

(Зачем ты пришла в этот круг, если не для того, чтобы посмеяться над моими несчастьями – ты, которая никому не принадлежит и любит себе подобных? Ради элементарного приличия стоило бы запретить тебе приближаться к тем, с кем ты одного пола и кто страдает под властью своих господ. Ты пришла полюбоваться на то, как меня бьют? Тебе нужно пересчитать мои шрамы – да что я говорю: шрамы? – мои разорванные мочевой пузырь и селезенку, мои сломанные ребра, руки и ноги, мой раздробленный череп, выбитые зубы, растянутые мышцы и связки, мои раны и кровоподтеки? Или тебя больше интересуют орудия и инструменты, которые использовались, чтобы меня изуродовать, искалечить, погрузить в бездну ужаса, сделать тише воды ниже травы? В таком случае вообрази все, что только можешь вообразить. Занеси в свой список все подряд: ружье, нож, скальпель, бритву, веревки, цепи, палку, кнут, боксерский удар кулаком, кувалду и так далее. Если же тебя интересуют сами обстоятельства, все их разновидности – кто-то был избит до смерти кулаками и ногами, кто-то зарезан, кто-то удушен, кто-то в припадке крайнего бешенства застрелен из ружья.)

Уже который раз, вступая в разговор, я становлюсь мишенью для брани и оскорблений. Тем временем Манастабаль, моя проводница, раскладывает перевязочные материалы, мази, шины, иглы для подкожных инъекций, таблетки, достает из своей сумки скальпели и иглы для медицинских швов – не глядя на

жертв и даже, кажется, не прислушиваясь к их речам. А те продолжают:

(Ты, которая проводишь свою жизнь как хочешь и гордишься этим, – что тебе здесь нужно? Ты знаешь о том, что в тюрьме, где я брожу меж четырех стен, едва волооча ноги, он принимает-ся тщательно избивать меня ударами тяжелых сапог – сначала пинком в берцовую кость, потом по бедрам, по пизде – его сапог поднимается все выше, по мере того как мое тело складывается пополам, я корчусь и извиваюсь, моя кожа словно покрывается ожогами медуз, которые протягивают свои язвящие щупальца все дальше и дальше, и среди этого града ударов, которые он наносит уже сверху, в моей голове, где-то между глазами и затылком, вспыхивает слабое сияние – и вот мое тело становится влажной бесформенной грудой, не имеющей никакого отношения ко мне, связанной со мной одной только болью; а удары все продолжают сыпаться – в живот, в грудь, в бока, и вот мне кажется, что внутри уже не осталось живого места – но вот новый удар ногой: по глазам, носу, губам – и когда я замираю на полу, опухшая и окровавленная, я ничего уже не вижу, все погружается во мрак.)

Я смотрю на них и вижу, что их лица уже не человеческие. Их голоса сливаются, превращаясь в хриплый рык, бульканье, шипение и свист, раздающийся из бесформенной массы, изуродованной побоями и страданиями. Рассказы о зверствах, жертвами которых они стали, все множатся, звучат все новые подробности. Выясняется, что они настоящие эксперты в области побоев и ранений – их познания обширны и детальны. Для них нет ничего неизвестного в том, как наносить удары, оглушать, бить со всего размаху, сломать нос, крестец или ребра, разбить голову, стремительно набрасываться, избивать, выпускать кишки, дубасить, грубо обращаться, осыпать побоями, калечить руки и ноги, топтать сапогами. Они знают все о ранах и ушибах, которые могут быть получены от

раздроблений, разрывов, ударов, переломов. Они знают все о палках, дубинках и тяжелых дубинах, тростях, хлыстах, кольях, ружейных прикладах, кувалдах, прутьях, бычьих жилах, резиновых шлангах, стрекалах. Так же хорошо они знают о холодном оружии (ножи, тесаки, топоры, кинжалы, мечи, бритвы, пилы, ножи для колки льда, ножницы) и огнестрельном (револьверы, ружья, винтовки), с жаром обсуждают в деталях способы заточки одних и перезарядки других. Они рассказывают о протыкании, раздроблении, расчленении, рассечении, разрезании или об изрешечении пулями – и, каким бы плачевным ни было их состояние, они еще усугубляют его своими рассказами. Глядя на них, до такой степени искалеченных, постигнутых столь жестокой участью, что лишь немедленное усиленное лечение могло бы их спасти, мне хочется, чтобы они поберегли силы, и я пытаюсь заставить их замолчать. Но Манастабаль, моя проводница, ощупывая переломы и ушибленные места, вправляя вывихи и приводя в порядок связки, приказывает мне не мешать им говорить:

(Благо, что словами можно умерить те страдания, которые выпали на их долю.)

XXXVI

Ахерон 3

Мы снова на берегу темноводного Ахерона, вдоль которого растут деревья с темно-зеленой листвой и стоят скалы из светлого и черного янтаря, словно светящиеся изнутри. Манастабаль, моя проводница, указывает мне на мутный поток, который резко выделяется на фоне прозрачного течения черно-желтой лентой, и из которого река выносит к скалам черный и светлый янтарь. Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Слезы, которые льют по мертвым, черного и желтого цвета. Они сливаются в единый поток, который протекает через преисподнюю.)

Я наблюдаю за тем, как мрачный бурный поток слез исчезает под землей у подножия скалы, покрытой приморскими соснами. У песчаного отлогого берега я вижу лодку, длинную и плоскую. Манастабаль, моя проводница, делает мне знак занять место на скамейке, тогда как она сама на этот раз становится к рулю. Я спрашиваю ее, уж не отправляемся ли мы в подземное плавание, и, получив утвердительный ответ, прошу избавить меня от этого, говоря, что не испытываю ни малейшего восторга при виде пещер, гротов, ущелий и подземных коридоров.

(Этого не избежать, Виттиг, чтобы попасть туда, куда мы направляемся. Река слез, проливаемых по мертвым, струится глубоко под землей, пока не вливается в устье с другой стороны горы, сквозь которую протекает.)

И, больше не слушая моих причитаний, Манастабаль, моя проводница, отталкивается коротким веслом от берега, и лодка начинает скользить по воде. Несколько раз повернувшись вокруг своей оси, она достигает середины реки, управляемая Манастабаль, моей проводницей, стоящей сзади, тогда как я лежу на животе, упираясь локтями в дно лодки, и освещаю нам путь фонариком. Вскоре темнота сгущается до такой степени, что тонкий луч фонарика едва способен ее рассеять. Раньше я никогда не видела ничего похожего на то, что предстает сейчас моим глазам, и не могу найти для него подходящих описаний. Я могла бы рассказать о неясно различимых пляжах с бриллиантовым песком там, где прибрежная скалистая равнина, выдаваясь вперед, образовывала заливы. Я могла бы рассказать о скалах, о высоких мысах, островках, странных деревьях и кустах, растущих на берегу. Могла бы рассказать о колониях летучих мышей, вспугнутых появлением лодки и бесшумно кружащих в темноте. О птицах с одним-единственным крылом, которые

летают, как мятые бумажные листы, и спят на отвесных скалах, завернувшись в свое крыло, словно альпинисты в спальные мешки. О существах, похожих на свернутые кульки, чье широкое основание служило ртом, а острый конец – зрительным органом: зарывшись основанием в песок, они торчали из него здесь и там. Но я ни в чем не уверена. Из-за того, что я несколько раз засыпаю, путешествие кажется мне очень долгим. Лодка равномерно движется вперед. Вода сверкает в лучах моего фонарика. Время от времени Манастабаль, моя проводница, говорит мне:

(Прикоснись к ней. Это температура слез.)

И я удивляюсь, потому что, когда я погружаю в воду руки до локтей, она оказывается горячей и приятно расслабляет мускулы. Через какое-то время бульканье и слабое посвистывание говорят о том, что вода приближается к точке кипения. Потом река в последний раз поворачивает, мы проплываем мимо последней скалы – и на нас обрушиваются потоки света. Мы видим залитые лучами луга по обе стороны реки – берега здесь становятся плоскими. Манастабаль, моя проводница, вместо того чтобы причалить к одному из них, правит лодку прямо к большому острову, в середине которого высится гора. Тогда я напоминаю ей эпизод с магнитной горой, почти не сомневаясь, что мы вскоре окажемся в воде. Но Манастабаль, моя проводница, указывает мне на скалистый выступ на краю острова, у подножия которого река разделяется на два потока: один из них прозрачно-медовый, другой – как черный халцедон, расплавленный оникс или гагат. Прежде теплая вода здесь охлаждается и густеет, как желе. И с того места, где Манастабаль, моя проводница, привязывает лодку, видны высокие громады светлого янтаря, а на противоположной стороне острова – черного. Я кидаюсь во все стороны, пытаюсь схватить текучее вещество, пока оно окончательно не застыло и не ушло на дно. Тем временем Манастабаль, моя проводница, достает из лодки большие рыбачьи сети. Мое ликование столь велико, что я едва могу произнести:

(Ах, Манастабаль, моя проводница, какой чудесный будет у нас улов! И слезы, пролитые по мертвым, смогут оплатить свободу живых! Как же я тебе благодарна за то, что ты заставила меня проделать это путешествие!)

Мы целый день выбираем из сетей драгоценные камни по мере того как они начинают затвердевать, не дожидаясь, пока они застынут окончательно. Но крупные куски янтаря, халцедона, оникса и гагата быстро твердеют, и их тяжело переносить. Кроме того, приходится подолгу ждать, прежде чем новые потоки воды начнут сгущаться. Через какое-то время лодка доверху нагружена застывшими слезами. Тут мы пускаемся в обратный путь, и, когда снова всплываем в туннель, солнце заходит, оставляя на воде черно-золотые отблески. Я меняю батарейки в карманном фонарике.

XXXVII

Рай 6

Кружащийся полет лепестков, увиденных так, как есть, – слова приходят тысячами, воздух насыщен ими. Крылья бабочек нежно трепещут – такие, как есть – прямо перед моими глазами, едва не касаясь их. Листья осыпаются с деревьев в ночи – такие, как есть – они падают бесшумно, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Снежинки, неотличимые одна от другой, почти закрывают небо, проглядывающее сквозь них лишь долгими голубыми вспышками – и, такие, как есть, мягко опускаются на землю. Никогда еще их прикосновение не доставляло мне столь совершенной радости. Я говорю:

(Я стремлюсь к тебе, мой прекрасный рай!)

Я оборачиваюсь к Манастабаль, моей проводнице, чтобы сказать ей об этом необычном явлении, но вижу ее лишь

мгновениями, в просветах синевы между движущимися темными массивами слов. В какой-то момент они начинают дрожать и колыхаться, потом с шорохом осыпаются, и их падение то ускоряется, то замедляется. Я смотрю, как они причудливо кружатся в полете, а затем внезапно исчезают. Вскоре не остается ни одного, и я вижу небо, вновь распахнувшееся во всю ширину. Я спрашиваю Манастабаль, мою проводницу, откуда такая внезапная нехватка слов, из-за которой небо превратилось в застывший синий купол.

(Это как кровотечение наоборот.)

Манастабаль, моя проводница, говорит:

(Или как изнанка рая.)

Лишившись всякой надежды на возвращение их сверкающей крылатой стаи, я, без сомнения, сейчас упаду с неба, увлекая за собой Манастабаль, мою проводницу. Моя память спрессована, как эластичная мембрана, и я шатаюсь во все стороны. Но прежде, чем я испытываю потребность что-то сказать, и даже раньше, чем начинаю падать в пропасть, – та, которая является моим добрым гением, появляется рядом со мной, забрасывает меня к себе на спину и возносит на седьмое небо, откуда, кажется, нет никакого риска упасть.

XXXVIII

Оккупанты

Здесь мне не нужно задавать никаких вопросов. Здесь можно не бояться оскорблений, которые обычно следуют в ответ. Напротив, меня вместе с Манастабаль, моей проводницей, приглашают войти в круг и сесть, чтобы ознакомить с фактами. Здесь можно свободно подать жалобу, и никто не обвинит жалобщиц в том, что они все выдумали. Напротив, здесь готовы разоблачить

обман и помочь вырваться из западни. Здесь есть оружие для тех, кто пришел из других кругов ада – для тех, у кого его нет, но кто готов его использовать. Они говорят, например, что ночью, сидя в своих домах, они слышат, как те смеются на улицах. Они говорят, что слышат, как те сквернословят, горланят, режут песни, орут, болтают, визжат, всхрапывают, бормочут. Голоса проникают сквозь стены и плотные занавески, сотрясают стекла в окнах. Они говорят, что поскольку те – оккупанты, о них невозможно забыть ни на минуту. Они говорят, что те садятся в свои машины, на мотоциклы, в грузовики и самолеты – и гудят, сигналият, тарахтят, включив свои реактивные двигатели и акселераторы, заведя моторы мотоциклов. Они говорят, что те ничуть не стесняются: разгуливают под окнами, нарочно топают по мостовой, громко переговариваются. Они говорят, что если те, оккупанты, всегда говорят громко, то сами они прячутся по углам и молчат, пока те не пройдут мимо. Они говорят, что те не упустят возможности снова пройти мимо, и, поскольку их численность гораздо больше, это продолжается без конца. Они говорят, что те врываются в дома и, грубо толкая консержку, требуют у нее универсальный ключ от всех квартир. Они говорят, что те поднимаются по лестницам в часы обеда и по одному располагаются в квартирах. Они говорят, что приходится, сидя рядом с теми, кормить их, слушать их разглагольствования, потом готовить им ванну, чистить одежду, стелить постель. Они говорят, что если одна из них сопротивляется и не открывает дверь, то удар кулаком в спину консержки заставляет ее использовать универсальный ключ. Они говорят, что иначе нельзя – прислуга обязана повиноваться. Они говорят, что некоторые притворяются больными, когда наступает время обеда, но это ничего не дает. Любой косой взгляд, любой вздох немедленно приводят к побоям. Они говорят, что некоторые периодически убегают из дома, вместо того, чтобы служить тем изо дня в день. Но они говорят также, что этим подвергают себя риску быть

убитыми оккупантами, потому что те стреляют во всё, что движется, а униформы на них нет. Некоторые говорят, что, возвращаясь рано утром, они находят свои квартиры разграбленными, с отпечатками грязных подошв на простынях и следами блевотины на стенах.

XXXIX

Большая жратва

На деревянных козлах, служащих столами, разложены всяческие яства. Все готово для большой жратвы. Тогда их вводят большой толпой, чтобы заставить смотреть. Звучит музыка. Запахи разных блюд усиливаются благодаря поднимающемуся над ними ароматному пару и возбуждают аппетит, так же как запахи свежей зелени. Голодающие стоят на большом расстоянии от столов, боясь пошевелиться под угрозами кнутов и ружей. Они еле держатся на ногах, по щекам у них катятся слезы, а изо рта на подбородок непроизвольно стекает слюна. Однако они держатся из последних сил и, тихо переговариваясь по цепочке, убеждают друг друга не поддаваться запахам и виду еды. Если вдруг одна, вырвавшись из толпы, с воплем бросается к столам, тут же раздается свист кнута или шелканье ружейного затвора, потом выстрел – и чаще всего неосторожная падает замертво. В конце церемонии их прогоняют ударами ружейных прикладов, так и не позволив прикоснуться к еде. Тихий хриплый стонносится над толпой, когда их заставляют покинуть дворец. Некоторые шатаются от голода. Выйдя из банкетного зала, они оказываются на площади, вокруг которой растут баобабы, авокадо, апельсиновые и лимонные деревья, отбрасывая прохладную тень. Но уже в нескольких шагах оттуда все деревья и кусты стоят голые и полужасохшие, и ядовитая жидкость, которой

их опрыскивают, не дает ничему вырасти на бесплодной земле. Чтобы вернуться в свои хижины, голодающим нужно пересечь пыльный пустырь, истоптанный тысячами босых ног. Вокруг специально устроили открытую зону, чтобы за ними было легче наблюдать. За их передвижениями ползком, во время которых они пытаются либо найти хоть что-нибудь, годное в пищу – например, насекомых, чаще всего мух и муравьев, или какое-нибудь чудом выжившее растение, чтобы хоть немного утолить голод, – либо незаметно подобраться к дворцу, где идет большая жратва, пристально наблюдают со сторожевых вышек охранники с биноклями. Нет никаких шансов укрыться от их взглядов, даже если передвигаться вровень с землей. Каждое движение замечается, фиксируется, о нем сообщается. Целыми днями раздаются стоны, вопли, мольбы, проклятья, – ибо дворец большой жратвы, хотя и не видимый отсюда, занимает все помыслы голодающих. Если к концу дня одна из жертв, не в силах больше бороться с желанием утолить голод, незаметно ускользает из дома и, собрав последние силы, бросается через пустырь к дворцу, охранники расстреливают ее со сторожевых вышек. Наконец, когда солнце заходит, охранники, громко переговариваясь и хохоча, усаживаются в свои грузовики, захлопывают дверцы и едут во дворец. Там они обжираются, хлещут вино, сметают мясо и фрукты и довольно хохочут. Репродукторы, развешанные по всему городу, разносят их крики и смех, их разговоры и восклицания, но особенно громко звучит лязг ножей и вилок, стук приносимых и уносимых тарелок, хлопки пробок и звон бокалов. Когда на исходе ночи голодающих снова приводят во дворец, им позволяют, словно стервятникам, доесть чужие объедки – обрезки, полуобглоданные кости, шкурки, жир, хрящи, подгнившие овощи, огрызки фруктов, очистки. Напитки, которые они допивают, сводят судорогой их челюсти, и они не могут ни прожевать, ни проглотить еду. Их слюна становится горькой, а в желудке лишь пустота и кислая отрыжка.

XL

Битва с ангелом

Я иду через преисподнюю и чистилище и смогу покинуть их, лишь пройдя до конца, согласно обещанию, данному мною Манастабаль, моей проводнице. И если бы мне пришлось ради этого спуститься в бездну, оставив свое место возле самого прекрасного из ангелов, я бы сказала ему лишь одно:

(Я стремлюсь к тебе из самых глубин преисподней, или из чистилища, ибо ты мой добрый гений, херувим, пребывающий в сонме ангелов небесных.)

Раз за разом я возвращаюсь к началу пути – в пустыню в самом центре мироздания, по которой колючий ветер гонит песчаные волны. Она уже стала для меня привычным местом, и, не дожидаясь прихода Манастабаль, моей проводницы, я укладываюсь спать, завернувшись в одеяло и положив под голову ружье. Я просыпаюсь от мощного движения воздушной волны – ветер здесь ни при чем. Я включаю карманный фонарик и свечу им во все стороны. Но ангел, собравшийся атаковать меня, нападает со спины. Его даже нельзя ясно различить. Я зову его по имени, но он, не отвечая, жестоко сдавливает меня, пинает ногами в бока и избивает, а я не могу его сбросить. Но в какой-то момент мне удается схватить его за волосы и перебросить через голову. Теперь мы бьемся лицом к лицу, но почти наугад, то нанося удары кулаками, то всей тяжестью тела наваливаясь друг на друга, то швыряя друг друга на землю приемами дзюдо или карате, то применяя подсечки и захваты. Я бьюсь изо всех сил, ибо ангел атакует все более свирепо.

(Ах – говорю я – ты хорошо знаешь, что у меня нет ни сил, ни тренировки!)

Но ангел явно не намерен шутить – он пришел за моей жизнью. Битва длится всю ночь, и много раз мне приходится глотать пыль. Тогда ангел поднимается и ждет, пока я соберусь с силами, отойдя на некоторое расстояние, и там молотя по воздуху кулаками и ногами, словно для того, чтобы разогреть мускулы. Я не жду ничего хорошего от исхода этой битвы, и молчание ангела, ни разу не нарушенное, давит на меня дополнительным грузом. Однако после нескольких часов сражения мои силы растут с каждым перерывом. К концу ночи мне наконец удается одержать верх над ангелом и заставить его, в свою очередь, глотать пыль. Но стоит ему подняться, он сразу же исчезает, растворившись в темноте. Вместо того чтобы броситься в погоню, я падаю на землю, не в силах пошевелиться. Мои кости трещат, мышцы ноют, но я почти сразу засыпаю. Проснувшись утром, я вижу рядом со мной Манастабаль, мою проводницу. Когда я рассказываю ей о битве с ангелом, она говорит:

(Ангел испытывал твою силу, ибо в рай без нее не попасть. А ты, Виттиг, приняла его за единственного ангела, которого ты знаешь.)

XII

Прибытие

Мы движемся по пустыне, где песок стелется волнами, гонимый ветром, по бесплодной земле. Я вместе с Манастабаль, моей проводницей, иду в густой толпе тех, кто проделал путь через преисподнюю. Они непохожи друг на друга и идут в беспорядке, тяжело ступая. В последний раз я вижу тревожное выражение на лицах осужденных душ и их торопливую поступь – и

каким счастьем станет для них освобождение из их трехмерного мира! Несмотря на оживление, проявляющееся в их взглядах и жестах, они идут молча, их глаза неотрывно устремлены вдаль. Впрочем, ветер с силой ударяет в лица, мешая говорить. Кажется, окружающее их пустынное пространство не хочет отпускать их – они замедляют шаги и напрягают мускулы, чтобы противостоять мощным порывам ветра. Но через какое-то время ветер стихает. Сгущается сверкающий туман, скрывая нас друг от друга. Потом он рассеивается, и сквозь его молочно-белые пряди нам предстает совсем другой пейзаж, который я сразу же узнаю по краскам и очертаниям. Зеленые холмы с плавными уступами, покрытые соснами, освещенными ярким светом, выделяются на переднем плане. Воздух благоухает. Этому пейзажу свойственна какая-то особая протяженность – кажется, его можно сжимать и растягивать. Мое тело становится невероятно легким.

Охваченная ликованием, я кричу:

(Кто бы поверил, что попасть в рай так просто?)

На что Манастабаль, моя проводница, отвечает:

(Самый короткий путь от одной точки к другой – прямая линия.)

Но вот мы видим толпу ангелов, архангелов и серафимов – и она, мой добрый гений, впереди всех! – они ждут нас, словно встречающие у трапа самолета. И тут же слышатся возгласы узавания, приветствия, радости, жалобы, утешения. Руки сплетаются, плечи соприкасаются, тела прижимаются друг к другу, градом сыплются поцелуи. Когда мой добрый гений приближается ко мне, между нами уже нет никакой преграды, и я могу больше не бояться падения. Это действительно рай – зримый, осязаемый, суверенный. Я бегу, я лечу к нему – если и вправду здесь и сейчас наступил конец моему долгому паломничеству в преисподнюю.

ХЛП

Ужин с ангелами

Ангелы сходят с мотоциклов, в то время как другие, собравшись на поляне, мелодичными голосами зовут всех ужинать. В середине поляны – кухня под открытым небом, вокруг которой хлопочут ангелы, неся разную утварь: кастрюли, ведра, котлы, тазы, миски, сковородки, тарелки, шумовки, поварешки, черпаки, вилки, разделочные и столовые ножи, кухонные доски, металлические точила, вертела, противни для жира, топорики, крючья, молотки. Мухи и осы летают в косых лучах заходящего солнца. Ангелы-музыканты, собравшись под соснами, играют на пианино, кларнетах, саксофонах, ударных инструментах. Вершины и склоны холмов в один миг становятся розовыми, пурпурными, карминными, багровыми, фиолетовыми, сиреневыми, синими, зелеными и золотыми. В порту видны корабли под многочисленными белыми парусами – возвращаясь из океана, они проходят Золотой пролив и входят в бухту. Синие, серебряные, красные, оранжевые, желтые отблески света, рассеиваясь в призмах капель смолы, играют на стволах сосен, на листьях эвкалиптов, образуют сияющий туннель под низким сводом ветвей, повисают разноцветными пылинками – или свет становится однородным, ровным, сильным, ярким, заставляющим увидеть небо во всей его глубине и необъятности. Тысячи птиц проносятся над нами – одни пролетают мимо, другие кружат и резвятся. Здесь ласточки, мухоловки, синие сойки, вороны, куropатки, дрозды, пеликаны, чайки, бакланы, поганки, нырки, орланы, серые и белые цапли. Они щебечут, трещат, каркают, свистят, кричат, устраивая невероятный гвалт. Птичий концерт перекликается с музыкой ангелов и с их безмятежными голосами. Еда варится в котлах, жарится на вертелах и решетках над

кострами. Здесь есть печи, плиты, жаровни, полные угля. У некоторых ангелов рукава засучены. На их черной и золотистой коже – багровые отблески пламени и горящих углей. Сушеный душистый укроп, тмин, орigan, тимьян и розмарин жгут большими вязанками, а когда высыпаются семена, их бросают в сито с кориандром и сезамом. Когда изучаешь все сборище с некоторого расстояния, кажется, что вся деятельность заключается в перемещениях, приходах, уходах, переходах, подъемах и спусках по склонам холмов – прямых и по диагонали, в восхождениях по крутому склону, пробежках, приближениях и удалениях, в движении и топтании на месте. Сейчас ангелы проносят на плечах корзины с хлебом и фруктами. Они составляют их в виде геометрических фигур. Здесь вишня, земляника, малина, абрикосы, персики, сливы, помидоры, авокадо, дыни, арбузы, лимоны, апельсины, папайи, ананасы и кокосовые орехи. И вот херувим с обнаженной грудью трубит в трубу, возвещая, что все готово для ужина с ангелами.

Содержание

I Увертюра	5
II Разговор	6
III Орел	8
IV Прачечная-автомат	9
V Лимб 1	14
VI Рай 1	15
VII Уллифант	18
VIII Поводки	20
IX Аукцион	22
X Центральный вокзал	24
XI Ахерон 1	28
XII Облавы графа Зарова	31
XIII Лимб 2	34
XIV Рай 2	35
XV Бурлабабу	37
XVI Невольницы	38
XVII Парад 1	40
XVIII Игральные карты	44
XIX Ярмарка сокровищ	45
XX Рай 3	48
XXI Бабочка	50

XXII Стены	56
XXIII Озеро	57
XXIV Бицефалы	62
XXV Лимб 3	64
XXVI Рай 4	66
XXVII Тир	67
XXVIII Парад 2	69
XXIX Ахерон 2	73
XXX Большая раздача	75
XXXI Лимб 4	80
XXXII Рай 5	82
XXXIII Башня любви	83
XXXIV Драконы	87
XXXV Избитые	89
XXXVI Ахерон 3	91
XXXVII Рай 6	94
XXXVIII Оккупанты	95
XXXIX Большая жратва	97
XL Битва с ангелом	99
XLI Прибытие	100
XLII Ужин с ангелами	102

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Андрей Башаримов
ИНКРУСТАТОР

В созданной им самим системе Башаримов достиг едва ли не виртуозного совершенства... Башаримов строит не логичные отношения, но текстовой аттракцион...

Русский Журнал

Читая его тексты, узнаешь: да, люди именно так нервничают, именно так думают, расстраиваются, бредят спросонья, фантазируют, анализируют, сравнивают. Именно подобную литературу следовало бы, наверное, назвать реализмом...

НГ-Exlibris

Андрей Башаримов
ПУГОВКА

Проза Андрея Башаримова сигнализирует о том, что новый век уже наступил. Кажется, это первый писатель нового тысячелетия - по подходам свои, по мироощущению. Башаримов сильно отличается даже от своих предшественников (нового романа, концептуальной парадигмы, Сорокина и Тарантино), из которых вроде бы органично вышел. Мы присутствуем сегодня при вхождении в литературу совершенно нового типа высказывания, которое требует пересмотра очень многих привычных для нас вещей.

Дмитрий Бавильский

Андрей Башаримов, кажется, верит, что в русской литературе еще теплится жизнь и с изощренным садизмом старается продлить ее агонию.

Маруся Климова

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Егорий Простоспичкин
РАЗГОВОРЫ С ДОННОЙ АННОЙ

Князь Егорий Простоспичкин является одним из признанных авторитетов в области прикладной и теоретической демонологии, автором многочисленных исследовательских статей по сравнительной истории религий и индоевропеистике, активным членом ложи Свободных Каменщиков, при посвящении в которую он получил титул Комедиум, одним из патриархов древнего, как утверждается, Ордена РоСД(ТМ). Уважительно величаемый в определенных кругах Сеньором, в данной книге он представлен и как блестящий прозаик. Тонкое чувство юмора, удачные метафоры, элементы эротики, по-настоящему мрачного колорита декорации, все это дает возможность по-новому взглянуть на суровую и таинственную фигуру князя.

Гарик Осипов
ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА

Гарик Осипов умудряется в небольшой эпизод вместить целую эпоху - с ее слегка экзотическим ароматом, распробовать который под силу только людям, поставившим себя над временем.

Jalouse

Гарик Осипов раздвинул границы банального, показал, как избежать искушения превратить самодостаточность в безвкусицу.

Playboy

Граф Хортица демонстрирует самую правильную жизненную идею - тотального и бесповоротного эгоизма в любых внешних условиях.

OM

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Филип Ридли
СТРАХ ГИАЦИНТОВ

Филип Ридли (р. 1964) - один из самых ярких писателей британской новой волны, драматург, художник и кинорежиссер. В своих романах, рассказах, пьесах и фильмах (культурные ленты «Зеркальная кожа» и «Темный полдень») он создает мир, пронизанный черным юмором и эротическим символизмом, где нежность переплетается с жестокостью, а страсть с апатией.

В кино, театре, прозе и акварелях Ридли обнажает темную сторону человеческой природы, исследуя двусмысленность чудовишного и прекрасного.

Observer

Филип Ридли - писатель, которого можно назвать гением - создатель самых любопытных, гротескных и завораживающих британских пьес и фильмов последних лет.

Time Out

Шиш Брянский
СТИХОТВОРЕНИЯ

Творчество Шиша Брянского, как и само его имя-маска, очевидно значащее партизанский кукиш захватчикам родной речи, порождены ощущением отчаянья. В качестве «лирического субъекта» собственного стихотворчества Шиш Брянский являет собой тип экзальтированного дебила, знающего и восторженно любящего поэзию Клюева, Кузмина и Есенина.

Textonly

Шиш явил нам свой особый путь преодоления инерции современной поэзии. За его стихи не стыдно, что они - стихи.

Вестни

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Гай Давенпорт

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПОЕЗД ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ

В литературной культуре, недостаточно знающей собственное прошлое, переполненной банальными и затертыми представлениями, чрезмерно увлеченной неосмысленным настоящим, отважная оригинальность Давенпорта, его эрудиция и историческое воображение неизменно поражают и вдохновляют.

Washington Post

Рассказы Давенпорта, полные интеллектуальных и эротичных, скрытых и явных поворотов, блистают, точно солнце в ветреный безоблачный день.

New York Times

Он проклинает прогресс и защищает пользу вечного возвращения со страстью, напоминающей Борхеса... Экзотично, эротично, потрясающе!

Los Angeles Times

Деликатесы Давенпорта – изысканные, элегантные, нежные – редчайшего типа: это произведения, не имеющие никаких аналогов.

Village Voice

Илья Масодов

КЛЮЧ ОТ БЕЗДНЫ

Масодов - это сегодня один из лучших русских писателей, даром что не всем придется по вкусу его суровая педофильская готика с революционно-эзотерическим уклоном. Таковую книгу мог бы написать Платонов, покусанный малолетними упырями.

Weekend

Владимир Сорокин отдыхает! Гной и сало не катят! Литературный наследник Платонова и Мамлеева, патологический «русский космист» Илья Масодов выступил с новой книгой, читать которую мы вам не рекомендуем, хотя без нее картина современной русской литературы была бы не полной.

HF- Exlibris

Ужасы, описанные языком Платонова, скрещенного с Бажовым и умноженным на Мамлеева, нагнетаются с сорокинским напором и мощью. Не случайно «Мрак твоих глаз» - прошлая книга Масодова - получила предупреждение от Минпечати России за многочисленные описания «убийств, глумления над трупами, непристойных сцен, провоцирующих низменные инстинкты».

Еженедельный Журнал

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Антонен Арто
МОНАХ

Переложение готического романа XVIII века, «Монах» Антонена Арто – универсальное произведение, рассчитанное и на придирчивость интеллектуала, и на потребность масскульта. Основатель «Театра Жестокости» обратился к сочинению Грегори Льюиса в период, когда главной его задачей была аннигиляция всех моральных норм. Знаменитый «литературный террорист» препарировал «Монаха», обнажил каркас текста, сорвал покровы, скрывающие вход в лабиринты смерти, порока и ужаса. «Монаха» можно воспринимать как образец «черной прозы», объединяющей сексуальную одержимость с жестокостью и богохульством, и как сюрреалистическую фантазию, – нагнетание событий, противоречащих законам логики. Перевод романа издается впервые.

Грандиозный шедевр фантастической литературы... завораживает читателя, переливаясь тысячами огней... дух сверхъестественного пронизывает эту книгу до самой ее сердцевины.

Андре Бретон

Хроника чумы и смерти, миазмы потаенных глубин человеческой души, обнаруживающей свое присутствие тончайшим переливом цветов, чудесными преломлениями и радугами, волшебным блеском черной жемчужины.

Жан Кокто

**Издательства KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ представляют**

Кеннет Грант
ПРОТИВ СВЕТА

Кеннет Грант (р.1924) – крупнейший британский оккультист, ученик Алистера Кроули и Остина Османа Спейра. Основатель Ложи Новой Изиды и Тифоннианского Ордена Восточных Тамплиеров, – магических обществ, работающих с темной стороной кабалистического Древа Жизни. Автор девяти книг, объединенных в циклы «Тифоннианских трилогий». В романе «Против света» (1997) Грант изучает свою оккультную родословную, восходящую к ведьме Аврид, казненной в 1588 году за сношения с дьяволом в образе крокодила. Русский перевод книги публикуется впервые.

«Против света» – книга для отважных читателей, готовых бродить по темным лабиринтам и разглядывать удивительные картинки в сюрреалистическом калейдоскопе. Этот роман дышит мрачной роскошью болотного царства, где твердую почву сменяет податливая трясина. Врата, которые отыскал Кеннет Грант, открыты для всех, кто рискнет погрузиться в ошеломительные извивы нелинейного повествования.

Иэн Фрайз

Моник Виттиг
ЛЕСБИЙСКОЕ ТЕЛО

«Лесбийское тело» – самый радикальный феминистский роман XX века. В лесбийской «Песни песней» Моник Виттиг предлагает «пересказывать собственное тело», деконструируя патриархальный мужской язык ради создания нового языка лесбийского бунта против гетеросексуального общества.

Книга высочайшего класса, ни с чем не сравнимая по своей смелости.

The Boston Globe

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛЪ», «KOLONNA publications» можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пироги на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

У л и ц а П е с т е л я , 2 3
Н е в с к и й п р о с п е к т , 1 3
К и р о ч н а я у л и ц а , 2 3
М о с к о в с к и й п р о с п е к т , 1 7 2
Л е с н о й п р о с п е к т , 6 1 , к о р п . 1
Л и г о в с к и й п р о с п е к т , 4
З а г о р о д н ы й п р о с п е к т , 3 5

в Интернет:

« О з о н » – w w w . o z o n . r u
« М е ж к н и г а » – w w w . m k n i g a . r u

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛЪ», «KOLONNA publications» обращаться в ООО
«БЕРРОУНЗ», телефон 095-104-68-36

**Для заказа книг по почте наложенным
платежом редакция просит обращаться по
адресу:**

170024, г.Тверь, а/я 2448

в интернет:

www.mitin.com/request.shtml

Моник Виттиг ВЕРГИЛИЙ, НЕТ!

KOLONNA Publications: Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 70 X100/32, объем 7 п.л.,
подписано в печать 99.99.2005 г.
Гарнитура Timesse Суг.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0000
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства. «Тверской
полиграфический комбинат», 170024, г.Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (0822)44-42-15
Интернет/ Home page - www.tverpk.ru
Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

